

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

(к 300-летию российской прокуратуры)

Всероссийская научно-практическая конференция

Санкт-Петербург, 22 сентября 2022 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург
2023

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

(к 300-летию российской прокуратуры)

Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 22 сентября 2022 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург
2023

УДК 343.13
ББК 67.411
У 26

Под общей редакцией А.А. САПОЖКОВА, заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственные редакторы: **Е.Б. СЕРОВА**, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; **Д.А. СЫЧЁВ**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

У26 **Уголовный процесс: от истоков к современности (к 300-летию российской прокуратуры) : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 сентября 2022 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А.А. Сапожкова ; отв. ред.: Е.Б. Серова, Д.А. Сычёв. — Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2023. — 1 CD-R (2,62 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — ISBN 978-5-6046569-9-0. — Текст : электронный.**

УДК 343.13
ББК 67.411

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в сентябре 2022 года. Предназначен для работников органов и организаций прокуратуры, педагогических работников, аспирантов.

*Сборник издается в соответствии с оригиналом,
подготовленным оргкомитетом конференции.*

ISBN 978-5-6046569-9-0

© Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гурев М.С.</i> Способы решения организационных проблем досудебного и судебного производства по «делу декабристов»	5
<i>Бояринцев А.А.</i> Показания соучастника как особый источник доказательств в уголовном процессе	9
<i>Коришкова Е.О.</i> Процессуальное положение прокурора при производстве по уголовному делу в суде апелляционной инстанции	19
<i>Малофеев И.В.</i> Стадия возбуждения уголовного дела и решения конституционного суда Российской Федерации (приглашение к дискуссии)	24
<i>Родионова Ю.В.</i> Проблема определения объема и функций процессуальных полномочий руководителя следственного органа на этапе проведения процессуальной проверки по сообщениям о преступлениях	33
<i>Тарасова Ю.И.</i> Некоторые проблемы определения функции суда на предварительном слушании по уголовному делу	41
<i>Хромов Е.В.</i> Соотношение проверочной закупки и оперативного эксперимента	45
<i>Чабукиани О.А.</i> Влияние выбранной модели уголовного процесса на объем полномочий следователя	51
<i>Шнигель И.Б.</i> Государственная защита участников уголовного процесса, осуществляющих содействие уголовному судопроизводству	57
<i>Яльишев С.А., Эйвазов А.Х.</i> О некоторых вопросах совершенствования проведения следственных проверок по делам о превышении должностных полномочий, сопряженном с пытками	60
<i>Пушторская Е.В.</i> Перспективы взаимодействия следственных и налоговых органов в механизме уголовного судопроизводства по делам о налоговых преступлениях	68
<i>Макеева И.А.</i> Использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в отечественном и зарубежном законодательстве	75

<i>Золотухина Н.В., Жукова П.Н.</i> Деятельность следователя при окончании предварительного расследования	80
<i>Прохоров А.Б.</i> Право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве как основное субъективное право	88
<i>Осипов А.В.</i> Дифференциация судебного контроля за обыском (выемкой) в отношении адвоката	96
МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ	100
<i>Карнюхина А.В., научный руководитель Маторина Ю.Н.</i> Электронные документы как доказательства в уголовном процессе	—
<i>Прищенко Е.А., научный руководитель Маторина Ю.Н.</i> Понятие и особенности допроса несовершеннолетнего	104
<i>Архипова А.Ю., научный руководитель Сычев Д.А.</i> Прокурорский надзор за законностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела: проблемы и пути их решения	108
<i>Архипова А.Ю., научный руководитель Николаева Т.Г.</i> Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: вопросы доказывания	114
<i>Отченаш А.Ю., научный руководитель Елагина Е.В.</i> К вопросу о критериях допустимости «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве	119
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ	125

**СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ ДОСУДЕБНОГО
И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО «ДЕЛУ ДЕКАБРИСТОВ»**

Изучение истории дореволюционных государственных учреждений не возможно в отрыве от постижения причинно-следственных связей между общей проблематикой государственного аппарата и избираемыми вариантами принятия решений по ее разрешению. Между тем именно от глубины понимания подобных взаимосвязей зависят и наши оценки степени гибкости российского государственного механизма на том или ином историческом витке.

События 14 декабря (по «старому» стилю) 1825 года поставили существовавшую на тот момент систему правоохранительных органов перед не имеющими ранее примеров в прошлом масштабами дела, масштабами беспрецедентными прежде всего как по количеству участников, так и по количеству эпизодов.

Всего по делу было привлечено 579 человек, при этом мы, что впрочем, полностью соответствует имевшим место на момент расследования сословным взглядам, имеем в виду исключительно лиц относящихся к дворянскому сословию. (Вопрос ответственности тысяч нижних чинов в соответствии с сословной схемой разрешался в особом порядке без особой оглядки на степень вины и индивидуализацию наказания).

Понятно, что существовавшая тогда схема правоохранительной системы была просто напросто не способна переварить такие масштабы как на досудебной, так и на судебной стадии. В низкой ее эффективности у современников сомнений не возникало – вне зависимости от фоновых политических обстоятель-

ств. Ждать каких-то внезапных позитивных изменений в ее возможной результативности оснований не было - тем более что по факту следственные действия уже начались сразу же непосредственно в ходе событий (так называемые проводившиеся почти круглосуточно «начальные допросы декабристов» произведенные В. В. Левашовым, К. Ф. Толем и лично Николаем I), что сразу же выявило и неудобство имеющихся вариантов процедур, и их явную неэкономичность в плане расхода времени, и как следствие - необходимость немедленной оптимизации самого следственного процесса. Все это настоятельно требовало скорейшую необходимость разрешения выявившейся проблемы.

Как известно, с организационной точки зрения ответ был найден достаточно скоро – и уже Указом Николая I от 17 декабря 1825 года создается широко известный нам из истории процесса декабристов Следственный Комитет (впоследствии Комиссия), или как он назывался вначале дословно «Высочайше учрежденный тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года». Создание специального следственного органа из лиц, в чьей прежде всего преданности у императора не возникало сомнений, позволил более правильно распределить нагрузку по проведению следственных мероприятий. Узкий круг лиц, вовлеченных в деятельность Комитета, позволял не только обеспечить быстрое прохождение между ними довольно-таки больших информационных объемов, но и главное – сохранить в тайне результаты расследования. Однако, не смотря на это, Комитет в своем небольшом составе явно не мог охватить достаточно планомерно и главное быстро весь объем необходимых уже на первом этапе расследования мероприятий. Найденный выход достаточно ярко показал способность отечественной правоохранительной системы к импровизации.

Итак, после разрешения задачи сохранения информации и пресечение ее возможной утечки, на повестку дня выходила проблема процессуальной экономии, то есть создание процессуального механизма, максимально связанного с минимизацией временных и трудовых затрат, рационального использования имевшихся в наличии материальных средств. Медлительный и бюрократический характер привычных для того времени форм явно вошел в неразрешимое противоречие с явно вышедшей на первый план динамикой общественной жизни и находившихся под спудом социальных процессов.

Процессуальные нормы исследуемого периода фактически ничем не регламентировались, большинство процессуальных норм представляло собой не более чем традиционные обыкновения современной событиям культуры документооборота. Среди таких обыкновений необходимо отметить прежде всего очное ведение дела правоприменителем – традиция, закреплённая Артикулом воинским и Кратким изображением процессов или судебных тяжёб по Указу Петра I от 10 апреля 1716 года¹.

Именно эта традиция и была нарушена, причем довольно-таки рациональным образом, позволившим Комитету из менее десятка лиц с небольшим чиновничьим аппаратом, в силу ситуации к тому же вынужденных проводить многие мероприятия коллективно, охватить в сжатые сроки следственные действия с почти 600 только привлекаемых по делу лиц.

Выходом из ситуации стал перенос веса на проведение заочных мероприятий. Фактически процедура получения доказательственного материала приняла следующую форму:

На основе «начальных допросов» предварительно для допроса каждого подследственного готовился список вопросов в письменной форме – «вопросные пункты». Вопросы охватывали основные направления расследования, эпизоды деятельности тайных обществ, участие в этих эпизодах конкретных персоналий из числа подследственных. «Вопросные пункты» готовились своеобразной аналитической группой из состава Комитета с участием в ней специально выделенных чиновников.

По указанному списку вопросов подследственный допрашивался в Комитете, при этом никакого протокола не велось, за исключением черновых рабочих записей, использовавшихся впоследствии как для составления рабочих документов Комитета (записей в журналы Следственного комитета и в Докладные записки Николаю I), так и для пополнения в последующем «вопросных пунктов».

После такого достаточно экономного по времени за счёт отказа от процедурной части допроса, тот же список «вопросных пунктов» направлялся подследственному для самостоятельного письменного ответа на них.

¹ Линовский В. А. Опыт исторических изысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. — Москва : ЛексЭст, 2001. — С. 11.

После изучения собственноручных показаний данная процедура по мере необходимости могла повторяться не один раз, с соответствующим пополнением «вопросных пунктов» как за счет сведений полученных от допрашиваемого, так и за счет новой информации, получаемой от параллельно допрашиваемых в аналогичной форме лиц¹.

После получения, таким образом, достаточно широких сведений от подследственных между ними уже могли быть проведены очные ставки, также довольно-таки оригинальные по процедуре: двум участникам, находящимся раздельно, оглашались спорные показания друг друга и предлагали подтвердить их или опровергнуть. Только в случае отказа подследственного от подтверждения показаний другого участника между ними могла быть проведена процедура подтверждения своих показаний перед лицом друг друга, и только в таком варианте результат такой процедуры фиксировался под роспись участников².

Создание такой абсолютно новой модели досудебного производства потребовала и разрешения ряда организационных вопросов на судебной стадии рассмотрения дела. Как мы увидим ниже, реформирование организационных форм суда также пошло по пути максимального их упрощения и рационализации. При этом поиск путей повышения эффективности судебной фазы имел более широкие временные рамки, так как актуальными новые формы судопроизводства могли стать лишь после завершения непосредственно досудебного производства.

В конечном итоге, как известно, из состава членов Верховного уголовного суда была на одном из заседаний создана Ревизионная комиссия. Собственно именно она и имела контакт с материалами дела и подсудимыми, выразившийся в своеобразной процедуре «ревизии» следственных материалов. Этот контакт ограничивался опять же заочным, вне присутствия подсудимых и дачи ими каких-либо показаний, изучением материалов, представленных Следственным комитетом, по окончании ознакомления с которыми подсудимые вызывались лишь для получения от них формальных ответов о подписании ими показаний и факте производства очных ставок (в указанных выше усеченных про-

¹ Мироненко С. В. Восстание декабристов : материалы // Центрархив. Т. 16 : Журналы и докладные записки следственного комитета / АН СССР, Ин-т истории СССР, Центр. гос. арх. Октябрьской революции, высш. органов гос. власти и органов гос. управления СССР. — Москва : Наука, 1986. — С. 9.

² Там же. С. 10.

цессуальных правилах)¹. По итогу подобного проведения процесса многие декабристы даже не поняли и не заметили, что собственно суд над ними уже свершился.

Как видим, отечественная практика разрешения процессуальных и организационных проблем и следствия, и суда, уже в XIX веке обоими ногами плотно стояла на базе неформальности, не связанности лишними процессуальными догмами, отказа от любых устаревших рудиментов прошлых лет. Вызов эпохи повлек за собой соответствующее парирование проблемы в виде отказа от любой неоправданной громоздкости и сложности процедур, модернизации уголовного процесса до почти полной его фактической неформальности, что уже само по себе является историческим уроком.

УДК 343.1

А.А. БОЯРИНЦЕВ

ПОКАЗАНИЯ СОУЧАСТНИКА КАК ОСОБЫЙ ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Дополнив главу 8 УПК РФ статьей 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве», устанавливающей процессуальный статус одного из видов участников уголовного судопроизводства, привлекаемых к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления законодатель не предусмотрел соответствующих изменений в статью 74 УПК РФ, определяющей понятие и источники доказательств в российском уголовном процессе.

Несмотря на отсутствие прямого указания в статьях УПК РФ на показания «свидетельствующих» соучастников как на отдельный источник доказательственной информации, последние, безусловно, являются таковыми, поскольку происходят от самостоятельного участника уголовного процесса и не отождествляются ни с каким иным поименованным в статье 74 УПК РФ источником доказательств.

¹ Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. — Москва : Мысль, 1988. — С. 211.

Свидетельствующий соучастник сообщает органам расследования и суду сведения о происшедших событиях, о совершенных им или другими лицами действиях и об иных относящихся к делу фактах. Таким образом, его показания являются особым средством установления фактических обстоятельств дела, источником сведений об обстоятельствах, имеющих значение при расследовании и разрешении уголовного дела.

В статье 74 УПК РФ предусмотрен перечень процессуальных источников, которые могут быть использованы для установления фактических данных, имеющих значение для дела, т.е. источники доказательств. В качестве доказательств по уголовному делу, под которыми понимаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, допускаются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания эксперта; 3.1) заключение и показания специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы.

В основу приговора суда, как и выводов предварительного следствия, могут быть положены только такие фактические данные, которые установлены при помощи этих источников. Какие-либо иные источники сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу законом не допускаются и не могут быть использованы для установления обстоятельств дела в уголовном процессе.

Каждому из указанных источников доказательств присущи свои специфические черты, отличающие их друг от друга, которые не лишают их общих для всех источников доказательств свойств, но придают каждому из них характер особого, самостоятельного источника доказательств.

Показания лиц, привлеченных к участию в деле, следует различать в зависимости от того, исходят ли они от свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, причем они отличаются друг от друга как по своему субъекту, так и по своей процессуальной природе и содержанию.

В соответствии с изложенным для определения специфических черт показаний лиц, привлекаемых к участию в уголовном деле в отношении соучастников преступлений, как самостоя-

тельного источника доказательств, особенностей, своеобразия этих показаний необходимо выделить отличие их от показаний других лиц, участвующих в процессе в первую очередь тех, черты которых он несет в себе: свидетелей и обвиняемых.

Своеобразие показаний свидетельствующих «соучастников» как источника доказательств обуславливается его уникальным положением в процессе как лица, против которого формально не осуществляется уголовное преследование, однако интересы которого напрямую затрагиваются в ходе производства по уголовному делу.

Несмотря на распространение на таких участников процедуры допроса свидетелей, показания первых существенно отличаются от свидетельских. *

Особенности показаний свидетельствующих соучастников в сравнении со свидетельскими показаниями находят свое выражение в их процессуальной природе. Они являются не только источником доказательств, но и средством защиты такого лица от обвинения, хотя и формально предъявленного иному участнику – обвиняемому, но содержащему утверждение следственного органа о совершении таким лицом запрещенного уголовным законом деяния при обстоятельствах, установленных на основании собранных по уголовному делу доказательств.

Наиболее ярко защитный характер показаний соучастника проявляется в том случае, когда инициатива его участия в уголовном деле исходит ни от следователя, а от обвиняемого и его защитника.

Давая показания, лицо вправе высказываться по вопросу обоснованности предъявленного соучастнику обвинения, излагать обстоятельства, которые, по его мнению, как подтверждают, так и опровергают или ставят под сомнение обвинение либо снижают степень его вины, ссылаться на доказательства, которые подтверждают такие обстоятельства.

Показания соучастника преступления отличаются от свидетельских показаний и по субъекту. Свидетель – лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Свидетельствующий соучастник - лицо, связанное с обвиняемым общим обвинением и имеющее свой интерес в исходе дела, по которому оно привлечено для участия в процессуальных действиях в отношении обвиняемого (подсудимого).

Свидетельствующий соучастник, равно как и обвиняемый, всегда лично заинтересован в исходе дела, поскольку то или иное его разрешение всегда имеет для него важнейшее значение.

Другой сходной чертой показаний обвиняемого и соучастника преступления, выступающего с показаниями по делу, является признание за ними права на защиту, а по своему процессуальному положению они оба являются субъектами процессуальных прав, а также активными участниками уголовного процесса.

Вместе с тем, в отличие от обвиняемого, наделенного в силу закона широкими процессуальными правами, обеспечивающими осуществление его законных интересов в уголовном процессе, свидетельствующий соучастник значительно поражен в своих процессуальных правах активного участника процесса, которые законодателем парадоксально сведены к правам процессуально нейтрального участника – свидетеля.

Как отмечал на страницах своего исследования М.Л. Якуб: «Обвиняемый является активным участником процесса, защищающим себя от предъявленного обвинения. Причем дача показаний - это право обвиняемого, которым он может воспользоваться или не воспользоваться»¹.

В силу особенностей своего процессуального положения для свидетельствующего соучастника это правило применимо далеко не всегда.

Являясь важнейшим условием для выделения уголовного дела в отдельное производство и его самостоятельного рассмотрения по упрощенной процедуре, досудебное соглашение о сотрудничестве является формой ограничения свидетельского иммунитета, его заменой добровольным принятием обвиняемым на себя обязательства выступить на следствии и в суде с изобличительными по отношению к иным соучастникам преступления показаниями.

В этой связи отказ от дачи показаний, а равно дача иных по своему содержанию показаний по «новому» уголовному делу не редко влечет за собой наступление для соучастника ответственности за несоблюдение условий соответствующего соглашения.

Вместе с тем свидетельствующий соучастник, как и обвиняемый, в отличие от свидетеля не несет уголовную ответственность ни за отказ от дачи показаний, ни за дачу ложных показаний.

¹ Якуб М. Л. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1963. 80 с.

В остальных случаях, когда соучастник преступления не связан обязанностью позитивного сотрудничества со следствием, направление его процессуальной деятельности, по существу, мало чем отличается от обвиняемого.

Своеобразие показаний соучастника как источника доказательств в сравнении со свидетельскими показаниями находит выражение также в их предмете, содержании. Если предметом свидетельских показаний обычно являются сведения об обстоятельствах, связанных с действиями других лиц, то соучастник дает показания относительно предъявленного обвинения. Содержание показаний соучастника составляют прежде всего те факты, которые связаны с действиями его и обвиняемого, с тем преступлением, которое вменяется им в вину. В отдельных случаях показания соучастника могут содержать сведения и о действиях других лиц, если они на момент производства соответствующих следственных действий не установлены (например, показания организатора убийства о действиях привлекаемых к уголовной ответственности исполнителей могут содержать информацию о неустановленном следствием заказчике и т.д.).

Существенным является и то обстоятельство, что соучастник, как и обвиняемый, в отличие от свидетеля вправе в своих показаниях не только сообщать фактические данные, но и интерпретировать свои действия, приводить доводы, говорящие в их пользу, выдвигать те или иные версии.

В указанных свойствах показания соучастника, отличаются от свидетельских показаний, и выражаются их специфические черты как источника доказательств.

Показания соучастника исходят от лица, судьба которого затрагивается в данном деле наряду с обвиняемым, и являются средством его защиты от предъявленного обвинения, в то время как показания потерпевшего исходят от лица, которому преступлением причинен вред, и являются средством защиты его интересов путем возложения ответственности на виновных лиц, коими по версии обвинения являются обвиняемый и соучастник, привлеченный для участия в отдельных следственных действиях.

Отношение соучастника и потерпевшего к делу различно по форме заинтересованности, по направленности их интересов. Интересам соучастника преступления, как и обвиняемого, свойственно стремление освободиться от уголовной ответственности либо минимизировать ее степень.

Приведенная мотивация не утрачивается и в случае осуждения соучастника за совершение инкриминированного обвиняемому преступления, поскольку и в данном случае соучастник заинтересован как минимум в том, чтобы его положение не было ухудшено в результате рассмотрения уголовного дела, по которому он дает показания, а в некоторых случаях – добиться пересмотра состоявшего приговора по средствам установления новых обстоятельств.

Однако несмотря на очевидное сходство показаний соучастника и обвиняемого необходимо сделать ряд существенных замечаний, отличающих их по своим свойствам.

Если обвиняемым является лицо, в отношении которого в рамках данного уголовного дела осуществляется уголовное преследование и в отношении которого в установленном законом порядке вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), то свидетельствующим соучастником в общем виде признается участник уголовного судопроизводства, привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления.

Выделение уголовного дела в отношении соучастника преступления в отдельное производство и его самостоятельное судебное рассмотрение означают, что такое лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого по выделенному уголовному делу. По изначально единому делу уголовное преследование против него далее формально не ведется, что делает невозможным дальнейшее участие такого лица в качестве обвиняемого по такому уголовному делу, а в ходе его рассмотрения судом - в качестве подсудимого¹.

Уникальность положения соучастника, дающего показания по иному уголовному делу, обусловленная трансформацией его процессуального статуса в результате выделения его уголовного дела от «обвиняемого» к «свидетелю», определяется возможностью использования в качестве доказательства по делу результатов его допросов, данных в статусе обвиняемого и свидетеля, а также оглашения таких показаний в случаях, предусмотренных законом.

¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ни для одного из приведенных смежных участников процесса (свидетель и обвиняемый) УПК РФ не предусматривает возможность столь органичного восприятия в качестве доказательств показаний, данных ими в ином процессуальном статусе по иному уголовному делу.

Содержание и значение показаний соучастника обуславливаются тем, что они исходят от лица, ранее привлеченного к уголовной ответственности по некогда единому с обвиняемым уголовному делу, а в отдельных случаях осужденного за совершение общего преступления, и являются не только источником доказательств, но и средством защиты этого лица от продолжающейся обвинительной деятельности. В связи с этим содержание этих показаний не ограничивается данными, которые могут служить доказательствами по делу, а их значение в уголовном процессе не исчерпывается тем, что они являются процессуальным источником сведений о фактах, имеющих значение для дела.

Представляется необходимым рассмотреть несколько следственных ситуаций, при которых в уголовном деле появляется такая фигура как соучастник преступления, в отношении которого не ведется расследование в рамках основного уголовного дела.

Во-первых, заключение одним из соучастников преступления соглашения о сотрудничестве со стороной обвинения и последующее выделение его уголовного дела в отдельное производство предполагает необходимость совершения обвиняемым в будущем конкретных позитивных действий по изобличению соучастника преступления, в том числе путем дачи по основному уголовному делу обвинительных по характеру показаний. Данный случай наиболее детально изучен учеными процессуалистами и проработан на уровне конкретных правовых норм.

При таких обстоятельствах право каждого не свидетельствовать против себя самого, равно как и право обвиняемого быть свободным от принуждения к даче изобличающих его показаний замещается условиями достигнутого между сторонами защиты и обвинения соглашения, обязывающего лицо его заключившее, добровольно отказаться от данного права и выступить на стороне обвинения с показаниями в отношении соучастника преступления в обмен на преференции, предоставляемые государством.

В рамках нового уголовного дела такое лицо наделяется специальным процессуальным статусом, его допрос процедурно идентичен допросу свидетеля, перед его началом ему разъясняются права свидетеля по данному уголовному делу, а возможный

отказ от дачи показаний и дача ложных показаний, под которыми понимаются любые иные показания, отличающиеся по своему содержанию от ранее данных в качестве обвиняемого по выделенном деле, рассматриваются как нарушение условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

Подобное положение дел привело к однозначной трактовке показаний соучастника, связанного условиями досудебного соглашения о сотрудничестве, как сугубо обвинительных.

К первой группе лиц возможно отнести и случаи, когда мотивом дачи изобличительных показаний выступает предусмотренная Особенной частью УК РФ возможность освобождения лица от уголовной ответственности в следствие уменьшения общественной опасности совершенного преступления по средством изобличения иных участников преступной деятельности.

Ко второй группе свидетельствующих соучастников следует отнести всех тех, участие которых вызвано необходимостью обеспечения полноты и объективности расследования, устранения противоречий в уголовных делах. Такие соучастники, как правило, не имеют мотивации содействовать органам расследования, прокурору или суду в разрешении уголовного дела по существу, их показания не имеют сугубо обвинительного уклона, а зачастую напротив служат инструментом противодействия обвинительной деятельности, основанной на негативном опыте судебного разбирательства по собственному уголовному делу.

В отличие от первой группы, где инициатором участия таких лиц выступает сторона обвинения, ходатайство о допросе соучастников, относящихся ко второй группе, может исходить и от стороны защиты.

Показания таких лиц являются показаниями условных свидетелей, не несущих ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний.

К третьей группе можно отнести привлечение к даче показаний в отношении соучастника преступления лица, производство по уголовному делу в отношении которого на момент проведения с его участием следственных действий не завершено.

Подобная ситуация может возникнуть вследствие длительного судебного разбирательства, отмены состоявшегося приговора с возвращением уголовного дела в суд первой инстанции для повторного рассмотрения, а также случаи выделения уголовного дела в отношении одного из соучастников в целях процессуальной экономии (часть 2 статьи 154 УПК РФ).

Приведенные обстоятельства параллельного разбирательства по двум некогда единым уголовным делам приводят к существованию парадоксальной ситуации одновременной фиксации показаний одного и того же лица и как обвиняемого и как свидетеля, что приводит к существенным сложностям в случае наличия в них противоречий, требующих разрешения.

Несмотря на все разнообразие в показаниях соучастника можно выделить следующие элементы: 1) выраженное отношение к предъявленному соучастнику обвинению — его позиция по отношению к обвинению, т.е. либо его признание (полное или частичное), либо отрицание; 2) изложение фактических обстоятельств дела и роли обвиняемого; 3) пояснение тех или иных фактов и действий, его аргументы и соображения, в частности выдвинутые им версии; 4) ссылки на те или иные доказательства и их оценка, выводы о необходимости исследования тех или иных источников доказательств.

Первые два из указанных элементов можно выделить в каждом показании соучастника, выразившего согласие свидетельствовать по уголовному делу, а третий и четвертый являются обязательными частями лишь в отношении первой группы, так как соучастник, не связанный обязательствами со стороной обвинения, нередко ограничивается изложением фактических данных и не приводит в своих показаниях каких-либо соображений и аргументов, не ссылается на доказательства.

Все перечисленные элементы, являясь составной частью показаний соучастника, органично связаны между собой и соотносятся как часть и целое. Сообщая те или иные фактические данные, соучастник попутно приводит соответствующие доводы и соображения, ссылается на доказательства, подтверждающие приведенные им факты и доводы, ходатайствует об исследовании тех или иных обстоятельств в подтверждение своих слов.

Доказательственное значение в показаниях соучастника имеют только изложенные им факты, т.е. те данные, которые содержатся в показании, подтвержденные иными источниками доказательственной информации. Соучастник в своих показаниях подтверждает или отрицает те или иные доводы обвинения, излагает связанные с ними обстоятельства, сообщает новые факты, прямо или косвенно опровергающие или подкрепляющие обвинение, а равно относящиеся к действиям других лиц. Лишь эти сведения, будучи подвергнутыми всесторонней и критической оценке и проверке, могут служить надлежащим источником доказательственной информации по уголовному делу.

Защитный характер показаний соучастника проявляется во всех своих элементах. Соучастник защищается, отрицая утверждение следствия и прокурора о совершении преступления совместно с обвиняемым при конкретных обстоятельствах, уменьшая степень своего участия в нем, излагая фактические обстоятельства, которые опровергают или ставят под сомнение обоснованность обвинения, доказывая обстоятельства, снижающие степень его вины и ответственности, давая объяснения своим поступкам и приводя аргументы в свою пользу, выдвигая версии, противоречащие версии обвинения, ссылаясь на отдельные доказательства. Было бы ошибочно, утверждать, что показания соучастника, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве с прокурором, полностью подчинены обвинительному уклону и в этой связи утратили защитный характер.

Такие показания основаны на стремлении перераспределить ответственность в групповом преступлении в сторону тех соучастников, которые по различным мотивам отказываются от сотрудничества со следствием или не дают развёрнутых показаний по делу, не редко на желании умолчать об отдельных фактах, которые могут негативно сказаться на его положении. Впоследствии, выступая с изобличительными показаниями в суде, соучастник непосредственно заинтересован в отстаивании занятой позиции по делу с тем, чтобы убедить суд в искренности и полноте сообщаемых им сведений и тем самым избежать негативных для себя последствий.

Значение показаний соучастника в процессе доказывания не ограничивается тем, что в них содержатся фактические данные, являющиеся доказательствами по делу. Его показания, как и обвиняемого, оказывают влияние на объем, направление и порядок исследования обстоятельств дела. Сообщенные им сведения, приведенные им доказательства доводы и соображения, следовательно, выдвинутые версии должны быть проверены как на стадии предварительного следствия, так и в суде.

Показания соучастника, признавшего свою причастность к инкриминируемому преступлению, принявшего решение содействовать следствию и суду в раскрытии преступления и установлении картины происшедшего, безусловно позитивно сказываются на полноте и всесторонности исследования обстоятельств дела, в частности обнаружению доказательств, которые могли бы остаться практически недоступными для следствия, если бы обвиняемый отрицал свою вину.

В судебном заседании отношение лица к предъявленному со-
участнику обвинению имеет значение при разрешении вопроса о
порядке исследования доказательств на судебном следствии, по-
скольку позволяет отнести их к показаниям обвинения или за-
щиты.

УДК 343.1

Е.О. КОРШИКОВА

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

В соответствии со статьей 389.12 УПК РФ в судебном заседа-
нии суда апелляционной инстанции принимает участие государ-
ственный обвинитель и (или) прокурор. Такая формулировка вы-
звала в юридической науке дискуссии о правовом положении
названного участника процесса.

Единства в этом вопросе нет ни в науке, ни в практике. Суды
апелляционной инстанции в апелляционных постановлениях и
определениях именуют участвовавшего в процессе представителя
прокуратуры по-разному: государственный обвинитель, прокурор,
независимо от стадии уголовного судопроизводства по делу.

В науке на этот счет обсуждаются две точки зрения. Первая:
если в апелляционном порядке рассматривается уголовное дело,
которое разрешено судом первой инстанции по существу, то в
апелляционном производстве прокурор выполняет функцию госу-
дарственного обвинителя¹. Вторая: в суде апелляционной ин-
станции принимает участие лицо, поддержавшее государствен-
ное обвинение в суде первой инстанции (государственный обви-
нитель), и (или) другой представитель прокуратуры (прокурор)².

Исходя из содержания ч. 3 ст. 37 УПК РФ, государственный
обвинитель – это прокурор, поддерживающий в ходе судебного
производства государственное обвинение, обеспечивая его за-
конность. Поддержание государственного обвинения, как нам

¹ Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уго-
ловном судопроизводстве // Прокурор. — 2013. — № 2. — С. 50—58.

² Курочкина Л. А. Прокурор в суде апелляционной инстанции: кто он? // За-
конность. — 2016. — № 7. — С. 26—29.

представляется, – это процесс доказывания обоснованности предъявленного подсудимому обвинения в совершении преступления в ходе судебного разбирательства уголовного дела по существу.

В пользу первой точки зрения может свидетельствовать то обстоятельство, что суд апелляционной инстанции пересматривает не только итоговые, но и промежуточные судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства или в порядке исполнения приговора, то есть вынесенные по результатам судебного разбирательства, в ходе которого о поддержании государственного обвинения речи не идет. Отсюда приверженцами данного подхода делается вывод о том, что при апелляционном рассмотрении промежуточных судебных решений участвует прокурор, а итоговых – государственный обвинитель, который именуется таковым независимо от того, участвовало ли именно данное должностное лицо в качестве государственного обвинителя в суде первой инстанции.

Вывод об участии государственного обвинителя при апелляционном рассмотрении итогового решения делается сторонниками данного подхода также исходя из того, что в силу ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, предусмотренном для суда первой инстанции, с установленными изъятиями, в которых о государственном обвинителе ничего не сказано.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 389.9 УПК РФ, предметом судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции является законность, обоснованность и справедливость приговора или иного судебного решения. В отличие от суда первой инстанции апелляционный суд не рассматривает вопрос об обоснованности предъявленного обвинения, а проверяет законность и обоснованность постановленного приговора или иного итогового судебного решения.

Отсюда возникает вопрос о полномочиях прокурора: вправе ли он отказаться от обвинения или изменить его в суде апелляционной инстанции?

По этому поводу также существуют различные точки зрения. К примеру, Верхотурова С.В., Лосев С.Г. пришли к выводу о том, что государственный обвинитель обязан отказаться от необоснованного обвинения в суде не только первой, но и апелляционной инстанции. В качестве аргументов авторы ссы-

лаются на полноту имеющегося в распоряжении судов апелляционной инстанции арсенала по устранению допущенных по делу нарушений закона, указывают, что апелляционный суд не связан мнением суда первой инстанции, полагают, что обязательное участие прокурора в апелляционном производстве свидетельствует о наличии у него всех процессуальных прав государственного обвинителя, в том числе права на отказ от обвинения или его изменение¹.

Шадрин В.С. со ссылкой на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации приходит к выводу о том, что поскольку предъявленное лицу обвинение трансформировалось в приговор, по поводу которого ведется спор в суде апелляционной инстанции, позиция прокурора об отмене приговора и оправдании лица не является для суда обязательной².

Последняя точка зрения представляется верной.

Вопрос об обоснованности предъявленного обвинения разрешен в итоговом судебном решении суда первой инстанции, законность и обоснованность которого в свою очередь стали предметом судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции.

Прокурор, придя к выводу об отсутствии события, состава преступления, непричастности лица к его совершению, в суде апелляционной инстанции может высказать позицию о необходимости отмены судебного решения с прекращением уголовного преследования. Отказаться от обвинения, обоснованность которого получила оценку в приговоре, прокурор не может. Так же как не может и изменить обвинение, поскольку предметом судебного разбирательства является судебное решение, постановленное по результатам рассмотрения вопроса об обоснованности обвинения. В такой ситуации прокурор может предло-

¹ Верховурова С. В., Лосев С. Г. Отказ государственного обвинителя (прокурора) от обвинения в суде апелляционной инстанции: за и против // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 1 (47). — С. 100—107.

² Шадрин В. С. Особенности процессуального положения и участия прокурора в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» ; под. ред. К. Б. Калиновского. — Санкт-Петербург : Астерион, 2021. — С. 78—84.

жить суду апелляционной инстанции изменить судебное решение или отменить его с вынесением нового решения с изложением фактических обстоятельств дела, которые отличаются от тех, что были изложены в обвинительном заключении (постановлении, акте), если таким изменением не нарушается право осужденного на защиту.

В случае, если прокурор в суде апелляционной инстанции полагает, что в действиях осужденного отсутствует состав преступления либо он не причастен к совершению преступления, или отсутствует событие преступления, то позиция прокурора для суда апелляционной инстанции, в отличие от суда первой инстанции, не является обязательной. Иное означало бы наделение прокурора правом отменять и изменять судебные решения, в то время как в силу ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации правосудие осуществляется только судом, который независим и подчиняется только закону. На это обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации в Определении по запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 37, ч. 7 ст. 246 и ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ.

В суде первой инстанции суд обязан прекратить уголовное дело в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, поскольку суд не является органом уголовного преследования.

Отсюда возникает вопрос, осуществляет ли прокурор функцию уголовного преследования на стадии апелляционного рассмотрения уголовного дела.

В суде апелляционной инстанции прокурор вправе представлять доказательства, предлагать отменить обвинительный приговор с вынесением нового обвинительного приговора, просить об отмене оправдательного приговора с направлением дела на новое судебное разбирательство, об изменении приговора, в том числе в сторону ухудшения положения осужденного при наличии об этом доводов апелляционного представления либо жалобы потерпевшего, а потому прокурор на данной стадии продолжает осуществление функции уголовного преследования. Но значит ли это, что он продолжает поддерживать государственное обвинение?

Формулировка в законе о том, что в суде апелляционной инстанции принимает участие государственный обвинитель и (или) прокурор, предполагает возможность одновременного участия в

процессе и государственного обвинителя, и иного прокурора. Если исходить из того, что законодатель распространил функцию поддержания прокурором обвинения на стадию апелляционного производства, то какова может быть роль прокурора, участвующего на данной стадии наряду с государственным обвинителем? Скорее всего, речь в данной норме идет о том, что при апелляционном рассмотрении уголовного дела может участвовать лицо, поддержавшее государственное обвинение в суде первой инстанции, вместе с другим представителем органов прокуратуры, в частности, работником профильного подразделения прокуратуры субъекта Российской Федерации.

Различие полномочий прокурора на стадии апелляционного рассмотрения уголовного дела с одной стороны и кассационного и надзорного с другой стороны заключается в том, что на стадии апелляции прокурор может представлять новые доказательства, ходатайствовать о проверке имеющихся доказательств, участвовать в их проверке, а также реализовывать те полномочия, которые связаны с полномочиями суда: занимать позицию об отмене приговора с вынесением нового приговора, об изменении приговора в сторону ухудшения положения осужденного, что не предусмотрено для судов кассационной и надзорной инстанций. Вместе с тем, и в апелляционной, и в последующих стадиях уголовного судопроизводства предметом судебного разбирательства является законность и обоснованность постановленных судебных решений, и это определяет роль прокурора на данных стадиях.

В части 3 статьи 37 УПК РФ указано, что прокурор в ходе судебного производства поддерживает государственное обвинение. Апелляционное производство – одна из стадий судебного производства. Вместе с тем кассационная и надзорная стадии судебного разбирательства, в которых прокурор реализует только функцию представителя закона, высказывая свое мнение относительно законности, обоснованности и справедливости постановленных судебных решений, также являются стадиями судебного производства, но о поддержании государственного обвинения на данных стадиях речи не идет.

Таким образом, формулировка части 3 статьи 37 УПК РФ является неполной, а потому не может обосновывать статус прокурора в суде апелляционной инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу как государственного обвинителя.

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что возбуждение уголовного дела есть необходимая стадия, без которой невозможно осуществление уголовного преследования¹.

Тем не менее, в науке уголовного процесса на протяжении длительного периода времени ведутся споры о целесообразности наличия стадии возбуждения уголовного дела.

Круг авторов, полагающих необходимым как сохранить данную стадию, так и ликвидировать ее, довольно широк и постоянно пополняется новыми учеными.

Само наличие дискуссии свидетельствует о серьезных проблемах с практической реализацией целей данной стадии, которые требуют внимательного к себе отношения.

По нашему мнению, споры о целесообразности сохранения института возбуждения уголовного дела обусловлены не столько различными подходами к решению теоретических проблем стадий уголовного процесса, сколько некоторой неразберихой в их практической реализации.

Первая проблема института возбуждения уголовного дела, обычно выделяемая в научной литературе, – это необходимость расследования преступных событий.

С одной стороны, рассматриваемая стадия процесса имеет своим назначением как раз избавление органов расследования от ненужной работы в виде процессуального реагирования на некриминальные происшествия. С другой – в уголовном процессе до настоящего времени присутствует принцип полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Этот принцип, намеренно не включенный законодателем в УПК РФ, тем не менее глубоко укоренился в нашем профессиональном мировосприятии и нахо-

¹ См., например, Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 600-О-О, от 21 октября 2016 г. № 600-О-О, Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П, от 23 марта 1999 г. № 5-П, от 27 июня 2000 г. № 11-П и др.

дит свое отражение в различных ведомственных актах, закрепляющих требования всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, а также полноты проведения проверок сообщений о преступлениях¹. В науке также встречается мнение о наличии данного принципа в уголовном процессе².

Безусловно, требование полноты исследования обстоятельств происшествия (для наиболее объективного «отсеивания» преступных от непроступных событий) вытекает из необходимости обеспечения права граждан на доступ к правосудию, а также из положения об обязательности уголовного преследования, указанного в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, что позволяет говорить о данном правовом стереотипе не как о рудименте правосознания, а как об имеющем право на существование факте, который оказывает существенное влияние на правоприменительную практику.

Так, по данным официального статистического отчета Генеральной прокуратуры РФ по форме НСИД, в 2021 году прокурорами выявлено более 5 млн. нарушений на досудебной стадии судопроизводства. Из них – более 3 млн. (т.е. 67 %) – нарушений при приеме и регистрации сообщений о преступлениях. Примечательно, что более 1,8 млн. нарушений, т.е. более 30 % от общего количества нарушений, приходится на вынесение незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом по результатам дополнительной проверки возбуждено всего чуть более 160 тыс. уголовных дел³.

¹ См., например, п. 2.3 Типового положения о следственном управлении управления внутренних дел по административному округу Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве (приложение № 2 к приказу МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России»), п. 1.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

² Деришев Ю. В., Олефиренко Т. Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного уголовного судопроизводства // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 1 (30) — С. 59; Солнцева Н. В. Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве // Законность. — 2003. — № 5. — С. 38; Урывкова А. Е. Становление стадии возбуждения уголовного дела в России // Е-Scio. — 2020. — № 11 (50). — С. 108—116.

³ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь—декабрь 2021 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=71671102> (дата обращения: 18.05.2022).

Количество уголовных дел, возбужденных после отмены «отказных» постановлений, составляет менее 10 %, что говорит о том, что основной причиной отмен указанных решений является не наличие признаков преступлений, а неполнота проведенных проверок. Существенной динамики данная картина за последние несколько лет не имеет, что свидетельствует о ее стабильности.

Таким образом, прокурорами ежегодно выявляется и устраняется нарушение органами расследования прямо незакрепленного в законе требования о полноте исследования событий, могущих как являться преступными, так и нет.

В этой связи можно уверенно сказать, что сложившаяся практика требует от органов расследования полного и всестороннего исследования обстоятельств происшествия еще до возбуждения о нем уголовного дела.

Признание факта существования указанного принципа требует оценки достаточности процессуальных инструментов для его выполнения, их способности достижения целей уголовного судопроизводства. Полагаем, что «сама жизнь диктует» необходимость расширения перечня таких инструментов, тенденция к чему и прослеживается на протяжении всего действия УПК РФ в виде постоянно увеличивающихся полномочий следователя на проведение следственных действий до возбуждения уголовного дела.

Вторая задача – защита граждан от необоснованного уголовного преследования, с рассматриваемых нами позиций выглядит гораздо серьезнее.

Существующий уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок возбуждения уголовного дела *in rem* или *in personam*, в зависимости от установления лица, совершившего преступление.

В то же время, в правоприменительной практике на уровне решений высших органов правосудия, ведомственных руководящих приказов, а также в науке сложилось четкое правило возбуждения уголовного дела в отношении лица, когда имеются достоверные сведения о совершении преступления конкретным лицом.

Более того, существует ряд преступлений (116.1, 144.1, 145, 145.1, 151.1, 154, 156, 157 158.1, 159.2, 170, 171, 171.4, 171.5, 172, 174.1, 177, 193-199.4, 201, 201.1, 204, 204.2, 210, ч. 2,4,6 ст. 264, 264.1, 264.2, 290-291.2, 307, 312-315, 322, 328 УК РФ), которые в силу наличия различных обязательных требований к признакам их состава (наличие административной преюдиции, алкогольно-

го опьянения, специальных субъектов и т.д.) могут быть совершены только известными на момент сообщения лицами. Следовательно, возбуждение уголовного дела «по факту», без указания лица, их совершившего, невозможно или происходит в исключительных случаях.

Такая практика способствует возможности реализации прав подозреваемых на защиту, поскольку статус подозреваемого позволяет ему принимать более активное участие в уголовном процессе, чем если бы он имел статус свидетеля. Однако нужен ли ему этот статус, если у должностного лица органа расследования есть уверенность в только в том, что в действиях лица имеются только признаки преступления?

Помимо круга процессуальных прав, которые лицо приобретает, становясь подозреваемым, оно получает и фактический статус лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в отсутствие достаточных, по крайней мере в этот период, доказательств для привлечения его в качестве обвиняемого.

Возбуждая уголовное дело, следователь констатирует лишь наличие оснований для расследования какого-либо деяния. Основной целью расследования, очевидно, является установление как преступности события, так и наличия (или отсутствия) в действиях лица, его совершившего, состава преступления.

Однако уже при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица фактически начинается его уголовное преследование: к нему на основании утверждения органа расследования о наличии в отношении него «подозрения» может быть применена мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, а также иные меры принуждения. Интересна даже формулировка, использовавшаяся законодателем: возбуждение уголовного дела *против* кого-либо¹.

¹ Согласно действовавшей до июля 2018 года редакции УПК РФ, подозреваемый имел право на получения копии постановления о возбуждении против него уголовного дела. Данная формулировка устранена Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 205-ФЗ «О внесении изменения в статью 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Однако из пояснительной записки к проекту данного закона следует, что данные изменения принимались в связи с тем, что подавляющая масса дел возбуждается по факту обнаружения признаков преступления, что позволяло отказывать подозреваемому в получении соответствующего постановления, если дело возбуждено по факту. Таким образом, сути идеи законодателя и «духа закона» о возбуждении уголовного дела «против» лица это не меняет.

Парадокс ситуации заключается в том, что уголовное дело возбуждается при наличии «признаков» преступления. На этой стадии ни у кого, в том числе у следователя, не может быть четкой уверенности в его совершении, а подозреваемый уже приобрел статус лица, к которому, пусть и потенциально, можно применить весь комплекс «удовольствий», связанных с его уголовным преследованием и до предъявления обвинения.

Проверяя законность возбуждения уголовного дела, прокурор, установив, что доказательства причастности подозреваемого к расследуемому преступлению отсутствуют, формально лишен оснований для отмены решения о возбуждении уголовного дела.

В самом деле, формулировка «в деянии лица «усматриваются признаки преступления» не предъявляет даже минимальных требований к такому утверждению. Оценочная категория «достаточность доказательств» указана лишь в статье 171 УПК РФ применительно к обвинению. Для подозрения никакой достаточности закон и не требует.

Только суд, применяя к подозреваемому меру пресечения, должен проверить «обоснованность подозрения», но даже декларативного требования к «достаточности доказательств» это положение не содержит, а представляет собой лишь требование удостовериться в наличии данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)¹.

С точки зрения внутренней мотивации правоприменителя, эта ситуация вообще представляет собой «водоворот», в который попадает лицо, в отношении которого проводится проверка.

Наличие в уголовном деле подозреваемого на практике накладывает на следователя ряд обязанностей, связанных не столько с расследованием событий, сколько с доказыванием вины подозреваемого. Возбуждая уголовное дело в отношении лица, следователь автоматически возлагает на себя обязанность быть последовательным, что совершенно определенным образом намечает «вектор» его работы.

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, получив сообщение о преступлении, вероятно имевшем место, следователь возбуждает уголовное дело в отношении конкретного лица, которое его совершило. При этом дело возбуждено для расследования обстоятельств совершения деяния, установления факта его совершения, наличия всех элементов состава преступления в действиях этого лица. В отношении лица дело возбуждалось с целью соблюдения его прав на защиту и участие в уголовном судопроизводстве, что также соответствует закону.

Однако, установив, что деяние не имело места или было непроступным, следователь сталкивается с целым рядом проблем как профессионального, так и личного характера, поскольку он вынужден «признать свою ошибку», как перед руководством¹, так и перед подозреваемым, с необходимостью принятия мер к реабилитации последнего. Свою ошибку (по сути и не имевшую места быть) должен признать также и прокурор, принося в соответствии с ч. 1 ст. 136 УПК РФ официальное извинение реабилитированному.

Таким образом, действующая практика применения норм УПК РФ приводит к тому, что у органов расследования и прокурора появляется мотивация для привлечения к уголовной ответственности невинного в случае допущения ими ошибки в виде необоснованного возбуждения уголовного дела.

Полагаем, что данная ситуация сложилась в результате многолетней трансформации института возбуждения уголовного дела, произошедшей по ряду как объективных, так и субъективных причин.

В теории советского уголовного процесса изначально последовательно прослеживалась мысль о том, что «цель предварительной проверки – отнюдь не точное установление состава преступления, т.е. виновных лиц, форм вины, мотива, способа и других обстоятельств совершения преступлений. Единственное, к чему следует стремиться в ходе такой проверки, – это с наибольшей вероятностью выяснить само событие преступле-

¹ В ходе анкетирования сотрудников органов дознания и предварительного следствия 98,1 % пояснили, что факт прекращения уголовного дела является негативным показателем их работы. Такого же взгляда придерживается Л. А. Воскобитова: «В современной практике прекращение уголовного дела в ходе расследования действительно стало рассматриваться как свидетельство незаконности его возбуждения». (Воскобитова Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. — 2010. — № 2. — С. 3—6).

ния, т.е. составить реальное, обоснованное предположение, что действие (или бездействие), о котором сообщает заявитель, имело место и оно является общественно опасным»¹.

В дальнейшем необходимость создания механизма реализации прав граждан на участие в судопроизводстве и защиту от необоснованного привлечения к ответственности внесла в фактическое содержание данного института коррективы.

Так, в связи с вынесением Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 14.01.2000 № 1-П по жалобе И.П. Смирновой и постановления от 27.06.2000 № 11-П по жалобе В.И. Маслова и принятия соответствующих изменений в УПК РСФСР, в уголовном процессе сложилась устойчивая тенденция отождествления факта возбуждения уголовного дела (особенно в отношении конкретного лица) с уголовным преследованием кого-либо.

В период действия УПК РФ эта тенденция развития судопроизводства была законодателем продолжена путем расширения перечня следственных действий, разрешенных до возбуждения уголовного дела. Очевидно, что эти изменения вносились в связи с необходимостью наделить лицо, проводящее процессуальную проверку, максимальным перечнем правовых средств для принятия законного и обоснованного решения по сообщению о преступлении. Это, безусловно, является механизмом снижения риска принятия ошибочных решений по причине недостаточности времени и правовых средств и, соответственно, – правовой гарантией от необоснованного уголовного преследования.

Представляется, что вектор этих изменений в полной мере не может решить намеченную проблему, поскольку представляет собой попытку сгладить, а не устранить основное противоречие, имеющееся, по нашему мнению, в законе, – начало уголовного преследования конкретного лица на основании одних лишь признаков преступления и в отсутствие достаточных доказательств его причастности к расследуемому событию.

Может сложиться впечатление, что вносить в закон изменения вообще не следует, поскольку эта проблема может быть решена на ведомственном уровне, и что в «действительности пере-

¹ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / АН СССР, Ин-т государства и права. — Москва : Наука, 1975. — С. 92.

смотра требует не этот порядок, а неправильная ведомственная практика, ставящая знак равенства между прекращением уголовных дел... и незаконным и необоснованным возбуждением»¹.

Однако на практике не все так просто. Ведомственная система оценки работы на основании статистической отчетности является системой контроля за эффективностью работы следственных, контрольных и надзорных органов. Она постоянно подвергается критике, но продолжает существовать из-за отсутствия реальной альтернативы и в настоящее время является единственной возможной системой организации правоохранительной деятельности.

Нет сомнений, что одной из гарантий соблюдения прав и свобод личности, интересов общества и государства в уголовном процессе является институциональная составляющая системы органов судопроизводства, работа которых должна быть эффективно организована. В этой связи нельзя заниматься «чистым искусством» науки уголовного процесса, полностью забывая о вопросах организации правоохранительной деятельности.

Поэтому мы полагаем, что законодатель должен и может решать организационные вопросы правоприменения путем установления таких норм, которые корректируют сложившуюся практику и выстраивают работу правоприменителя таким образом, чтобы достигались цели судопроизводства.

Иной подход приведет к созданию процессуальных норм, либо неспособных влиять на правоприменительную практику, либо полностью парализующих последнюю².

По причине недостаточности правовых инструментов и «боязни ошибиться» в наличии оснований для возбуждений уголовного дела действующая конструкция зачастую ограничивает и права потерпевших на доступ к правосудию.

Заявление о преступлении в настоящий момент не может быть проверено всеми уголовно-процессуальными средствами, в связи с чем на практике, как показано выше, наблюдается сложившаяся система принятия неоднократных решений об отказе в возбуждении уголовного дела и их отмен.

¹ Там же. С. 109—110.

² Пример такой довольно опасной ситуации приведен Л. В. Головки, опиравшим использованную в Грузии практику по внедрению полностью заимствованной в другом государстве системы судопроизводства (Головки Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. — 2014. — № 2. — С. 9—16).

Так, по мнению Н.В. Полищука, двусмысленность уголовно-процессуального законодательства позволяет следователю, дознавателю, органу дознания вольно толковать свою «процессуальную самостоятельность» и сознательно затягивать процедуру возбуждения уголовного дела... вместо производства процессуальных действий, направленных на закрепление следов преступления, перестраховываясь, они иницируют дополнительную доследственную проверку сообщений¹.

Таким образом, потерпевшим, требующим производства тщательного расследования затронувших их права событий, в настоящий момент не предоставлены полные гарантии соблюдения их прав.

В правовой науке традиционно предлагается два пути решения данной проблемы: устранение этого института или пересмотр существующего порядка возбуждения уголовного дела.

Во втором случае речь обычно идет или о закреплении обязанности незамедлительного возбуждения уголовного дела по каждому сообщению о преступлении (за исключением случаев получения сообщения об очевидно непроступном происшествии) или о разрешении производства максимально возможного круга следственных действий до возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, возможен и третий вариант, при котором уголовное дело может быть, напротив, возбуждено только в отношении конкретного лица. При такой конструкции доследственная проверка должна полностью получить уголовно-процессуальный статус, и так фактически закреплённый в ст. 5 УПК РФ, согласно которой она является составной частью досудебного производства. Однако в отличие от системы процесса, действующего в настоящий момент, стадия возбуждения уголовного дела должна приобрести статус не вспомогательного этапа, служащего целям «отсеивания» сообщений о событии преступного от непроступного характера, а полноценной стадией, на которой с помощью всех возможных следственных действий будет установлено наличие или отсутствие события и состава преступления, а также причастность конкретного лица к его совершению. Полагаем, что данная стадия должна предшествовать не началу расследования, а началу уголовного преследования.

¹Полищук Н. В. Производство следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. М., 2006. № 10. – С. 19.

Возбуждение же уголовного дела в предлагаемой нами модели должно происходить путем вынесения отдельного постановления в отношении каждого лица, в отношении которого планируется осуществление уголовного преследования, что по сути и будет соответствовать решениям Конституционного Суда РФ.

УДК 343.1

Ю.В. РОДИОНОВА

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕМА И ФУНКЦИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА НА ЭТАПЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПО СООБЩЕНИЯМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В досудебном производстве на стороне обвинения одним из основных субъектов выступает руководитель следственного органа. Несмотря на процессуальную независимость следователя, его эффективность и своевременность процессуальной деятельности во многом зависит от принимаемых руководителем следственного органа решений.

При этом не редки случаи, когда по окончании проведения процессуальной проверки встает вопрос, возбуждать уголовное дело или отказывать в его возбуждении. В таких ситуациях и должна проявляться роль руководителя следственного органа.

Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин не единожды (как на ежегодных расширенных заседаниях коллегии Следственного комитета РФ¹, так и в своих интервью для печатных СМИ²) говорил о важности системы процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа за деятельностью следователя

¹ Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации : Тезисы выступления Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина на расширенном заседании коллегии Следственного комитета Российской Федерации 17 января 2012 г. // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. — URL: <http://sledcom.ru/news/item/514604.7> (дата обращения: 20.05.2020).

² Баранов О. «Бастрыкин усилил внутриведомственный контроль?» // Адвокатская газета. — 2017. — 4 мая.

Несомненно, что объем полномочий и функционал, которые закреплены в ст. 39 уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ), ведомственном приказе «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» № 2 от 09.01.2017 обязывают руководителя следственного органа определять его как ответственное лицо за обеспечение принятия итоговых решений в соответствии с требованиями УПК РФ, который будет исключать факторы принятия незаконных решений, тем самым оказывать превентивные меры по соблюдению законности подчиненными сотрудниками, уполномоченными осуществлять процессуальную деятельность.

Несмотря на подобные меры, реальные цифры и возникающие проблемы, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства, определили вектор научных исследований причин расхождения идеальной картины от реальности, сводящей процессуальную деятельность к невысоким показателям.

Выделим такой проблемный аспект для исследования – объем и функционал руководителя следственного органа по организации и осуществлению процессуального контроля, в частности, на этапе возбуждения уголовного дела и принятия решений в порядке ст. 145 УПК РФ.

На данный момент, в соответствии с действующим законодательством руководитель следственного органа выполняет следующие функции:

1) дает следователю поручения о проведении проверки по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ);

2) продлевает срок проверки сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 144 УПК РФ);

3) дает следователю указания о производстве отдельных следственных действий, ... лично рассматривает сообщения о преступлении, участвует в проверке сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

В научных кругах определились несколько точек зрения по данному вопросу. Во-первых, ряд исследователей (Н.А. Моругина¹, Садиокова У.В.¹, Гордеева Т.С.²) видят решения данного во-

¹ Моругина Н. А. О некоторых вопросах уголовно-процессуальной деятельности руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. — 2008. — № 4. — С. 30.

проса в расширении полномочий руководителя на стадии проверки сообщения о преступлении.

Например, по мнению Гордеевой Т.С. ст. 39 УПК РФ сужает законодательное контролируемое пространство, предоставленное руководителю следственного органа, который вправе проверять материалы проверки по сообщениям о преступлениях, отменять незаконные или необоснованные, немотивированные решения следователей, оставляя вне своих полномочий осуществление приема и регистрации сообщений о преступлениях. В связи с этим ученым предлагается изменить формулировку «материалы проверки» заменить на «материалы рассмотрения сообщению о преступлении».

Такие выводы могут быть основаны на том, что п.3 ч.1 ст. 39 УПК РФ устанавливает полномочие руководителя по проверке законности принятых решений по материалам проверки. Однако, подобное участие определяется сторонним участием деятельности следователя по проверке сообщения о преступлении, который является основным субъектом на данном этапе. Таким образом, свои полномочия по осуществлению процессуального контроля путем дачи указаний, обязательных для исполнения, начинается, учитывая ч.3 ст. 39 УПК РФ, только после возбуждения уголовного дела.

Все это свидетельствует об отсутствии расширенных полномочий (отсутствия функциональных возможностей) руководителя для дачи указаний по ведению проверки по сообщению о преступлении.

Безусловно, что данный пробел восполняется собственными предписаниями Следственного комитета Российской Федерации. Например, Указания Председателя Следственного комитета РФ от 25 марта 2011 г. № 3/224 «О дополнительных мерах по усилению процессуального контроля в досудебном производстве»³. По

¹ Садюкова У. В. О расширении полномочий руководителя следственного органа на этапе окончания предварительного расследования // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 2 (54) — С.112.

² Гордеева Т. С. Отдельные проблемы ведомственного контроля за приемом, регистрацией и проверкой сообщений о преступлениях // Молодой ученый. — 2019. — № 51 (289). — С. 80—82. — URL: <https://moluch.ru/archive/289/65524/> (дата обращения: 20.07.2022).

³ О дополнительных мерах по усилению процессуального контроля в досудебном производстве : Указание Следственного Комитета Российской Федерации от 25 марта 2011 г. № 3/224 // Уголовный кодекс Российской Федерации : сайт. — URL: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/ukazanie-sk-rossii-ot-25032011-n-3224/> (дата обращения 20.07.2022).

мнению исследователей, придерживающихся позиции расширения круга полномочий руководителя следственного органа, данный подход хоть и восполняет данный пробел, но все же является не оптимальным вариантом.

Поэтому обращается внимание на необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в области наделения руководителя следственного органа полномочиями на стадии проведения процессуальной проверки. В своей научной статье «Контрольные полномочия руководителя следственного органа при проведении следователем до следственной проверки» Вершинина С.И. и Оськин А.В. предлагают изложить п. п. 2 и 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ в следующей редакции:

п. 2 лично рассматривать сообщения о преступлении и принимать по ним решения; проверять материалы проверки сообщения о преступлении, представленные следователем; давать следователю указания о направлении проверки и производстве отдельных проверочных действий, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, вынесенные по результатам проверки.

п. 3 проверять материалы уголовного дела, давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения¹.

По их мнению, именно отсутствие единства в законодательной регламентации процессуальных взаимоотношений между следователем и руководителем порождают низкое качество правоприменительной деятельности. А расширение полномочий руководителя следственного органа в области контроля за материалами проверок позволит создать единую правоприменительную практику.

Другие исследователи высказывают иную точку зрения, придерживаясь противоположной позиции, которая выражается в том, чтобы сузить или оставить без изменений круг полномочий руководителя следственного органа по контролю за материалами проверок.

¹ Вершинина С. И., Оськин А. В. Контрольные полномочия руководителя следственного органа при проведении следователем доследственной проверки // Законность. — 2014. — № 9. — С. 48—52.

Так, например, Матов Б.А. в своей работе «Особенности процессуальной деятельности следователя в стадии возбуждения уголовного дела»¹ подчеркивает, что процессуальная самостоятельность следователя является не только правовым, но и этическим принципом. При этом ответственность руководителя следственного органа по контролю за процессуальной проверкой материалов должна соответствовать ответственности следователя. Следовательно, указанные выше в общей совокупности полномочия руководителя следственного органа могут привести к трансформации полномочий следователя, что как раз и отразится на его процессуальной самостоятельности. Таким образом, получается, что независимость следователя будет зависеть от объема полномочий руководителя следственного органа.

Приведенные две точки зрения, касающиеся вопроса определения объема и функций процессуальных полномочий руководителя следственного органа и особенностей их реализации на стадии процессуальной проверки материала показали, что полномочия руководителя следственного органа осуществляются в соответствии с действующим законодательством РФ и подзаконными нормативно правовыми актами вышестоящего руководства. Но при этом единая практика действия по данному вопросу не сложилась.

Эффективность процессуального контроля со стороны руководства следственного отдела можно проследить по статистическим показателям – по количеству принятых надзирающим прокурором решений об отмене решений, принятых следователями по результатам проведения процессуальных проверок и по наличию (отсутствию) принятия решений о возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, по которым ранее принималось решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Ранее, в ряде следственных управлений (по Саратовской, Нижегородской области и др.) процессуальный контроль со стороны руководства следственного отдела заключался в следующем: поступившее в следственный отдел сообщение о преступлении (материал) руководителем следственного отдела или его заместителем передавалось следователю для его рассмотрения, проведения процессуальной проверки и принятия решения в поряд-

¹ Матов Б. А. Особенности процессуальной деятельности следователя в стадии возбуждения уголовного дела // Научное сообщество студентов XXI столетия. — 2017. — № 5 (52). — С. 54—57.

ке ст. 144, 145 УПК РФ. По результатам проведения проверки, перед принятием следователем процессуального решения, в случае возникшей у него сложности в принятии того или иного решения, материал проверки обсуждался с руководством следственного отдела, после чего следователем принималось решение. В случае последующего выявления руководителем следственного отдела факта незаконного принятия следователем решения об отказе в возбуждении уголовного дела, решение следователя отменялось (ранее несогласованное с руководством следственного отдела).

Таким образом, ранее роль руководителя следственного отдела, на стадии проведения следователем процессуальной проверки была минимальной.

Примером может служить материал проверки по факту совершения гражданином Д. заведомо ложного доноса, зарегистрированный в 2016 году следственным отделом по г. Балашов следственного управления Следственного комитета по Саратовской области. Так, в материале проверки содержались, в том числе, заявление гражданина Д., в котором он просил привлечь к ответственности сотрудника полиции, за то, что он повредил ему чехол мобильного телефона и нанес удар, а также объяснение Д., полученное от него сотрудниками полиции через несколько дней после написания данного заявления. В объяснении Д. просил проверку по ранее написанному заявлению не проводить, поскольку сотрудник полиции чехол от мобильного телефона не ломал, удар не наносил. В ходе проведения процессуальной проверки следователем было установлено, что Д. со своей знакомой, находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел в гостиницу и попросил предоставить ему один из номеров этой гостиницы, при этом каких-либо документов при себе ни он, ни его спутница не имели. Работник гостиницы отказалась предоставлять Д. номер и попросила их покинуть гостиницу. Не согласившись с решением работника гостиницы, Д. со своей спутницей покинуть гостиницу отказались, в последствие чего был вызван наряд полиции. В связи с тем, что у Д. и его спутницы не оказалось документов, их отвезли в отдел полиции для выяснения их личностей. В отделе полиции Д. написал заявление о причинении ему сотрудником полиции телесных повреждений и порче тем же чехла его мобильного телефона.

В последующем, в ходе проверки данного заявления Д. пояснил на то, что он находился в алкогольном опьянении, когда писал заявление, чехол от телефона сотрудник полиции не повреждал и удар ему не наносил. Заявил, что чехол от телефона он испортил сам до приезда наряда полиции, а также, что телесные повреждения на правом боку, предположительно, появились у него по причине падения с дивана. Все это он узнал от своей спутницы, когда протрезвел.

По результатам проведения проверки, следователем принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием в действиях Д. состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. Данное решение надзирающим прокурором было отменено. По результатам проведения дополнительной проверки принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по первоначальному заявлению Д., за отсутствием события преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ. В отношении Д. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ¹.

В целях недопущения роста принятых надзирающими прокурорами решений об отмене решений следователей об отказе в возбуждении уголовного дела многими руководителями следственных органов, позиция по осуществлению процессуального контроля на стадии проведения процессуальной проверки пересмотрена и в настоящее время заключается в следующем: процессуальный контроль со стороны руководства следственного отдела начинается с момента поступления сообщения о преступлении (материала) в следственный отдел. После поступления сообщения о преступлении (материала проверки из иного органа) руководитель изучает данное сообщение (материал), после чего, по своему усмотрению, в зависимости от сложности ситуации изложенной в сообщении (материале), передает его (сообщение (материал)) для проведения процессуальной проверки тому или иному следователю или группе следователей.

Вместе с сообщением о преступлении (с материалом), руководством следственного отдела, следователю даются письменные, конкретные указания, в которых указывается какие необходимо провести проверочные мероприятия для принятия по со-

¹ Архив следственного отдела по г. Балашов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области.

общению о преступлении (материалу) законного и обоснованного решения, при этом в указаниях руководителем так же указывается о выполнении иных мероприятий, «в проведении которых может возникнуть необходимость». В дальнейшем руководитель следственного отдела и его заместитель осуществляют контроль за проведением проверочных мероприятий.

В зависимости от сложности материала проверки, ход проверочных мероприятий и его результаты заслушиваются руководителем и его заместителем, после чего совместно со следователем определяются перспективы принятия того или иного процессуального решения по материалу проверки.

В случае возникновения у следователя проблемной ситуации по тому или иному материалу проверки, следователь совместно с руководством следственного отдела обсуждает данную проблему и в случае ее решения, следователем принимается решение по материалу проверки, которое было «совместно выработано» в процессе обсуждения.

В случае, если возникшая перед следователем в ходе проведения проверочных мероприятий проблема неоднозначна и при обсуждении данного материала проверки нет единого, однозначного мнения о принимаемом решении, руководством следственного отдела инициируется вопрос обсуждения данного материала с надзирающим прокурором. Материал проверки докладывается следователем перед руководством следственного отдела надзирающему прокурору, после чего проходит обсуждение данного материала. По результатам такого обсуждения, с учетом мнения надзирающего прокурора, следователем принимается процессуальное решение.

Вышеуказанный способ осуществления процессуального контроля со стороны руководства следственного отдела за проведением процессуальных проверок позволил снизить количество отмен прокурором решений об отказе в возбуждении уголовного дела по стране с 37297 постановлений в 2020 году до 35217 в 2021 году и не допустить факта возбуждения уголовного дела по сообщению о преступлении, по которому ранее принималось решение об отказе в возбуждении уголовного дела¹.

¹ Материалы к заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2021 год и задачах на 2022 год». С. 15.

Несмотря на недостаточную правовую регламентацию объема и функционала руководителя следственного органа на этапе проверки сообщения о преступлении, считаем, что в статью 39 УПК РФ необходимо четко определить полномочия исследуемого субъекта уголовного судопроизводства, в части дачи указаний по сообщению о преступлении, выработке правового решения с учетом мнения следователя и прокурора, усиления контроля за производством следственных действий и проверочных мероприятий.

УДК 343.1

Ю.И. ТАРАСОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИИ СУДА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Значение функций участников уголовного процесса не стоит недооценивать, так как на правильном соотношении функций участников процесса построен основной принцип уголовного судопроизводства – принцип состязательности и равноправия сторон.

Несмотря на то, что принцип состязательности появился в уголовно-процессуальном законодательстве с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года и обязывал суд обеспечивать равенство сторон и быть независимым при отправлении правосудия, единого мнения относительно выполняемых участниками уголовного судопроизводства функций не достигнуто до сих пор. Спорным является вопрос о выполняемой судом функции на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, в том числе, и на предварительном слушании по уголовному делу.

Функции суда в уголовном процессе в научной литературе обозначались по-разному. В дореволюционный период, говоря о принципе разделения функций, профессора И.Я. Фойницкий, Н.Д. Сергеевский, Г.С. Фельдштейн, П.И. Люблинский, функцию суда называли функцией постановления решения по делу,

разрешение дела по существу, суждения о деле¹. Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 года и УПК РСФСР 1960 года закрепили положения об осуществлении правосудия только судом², тем самым сводя функцию суда к осуществлению правосудия. В настоящее время функция суда в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ названа законодателем разрешением уголовного дела, и действие данной функции охватывает все стадии уголовного процесса.

По нашему мнению, в статье 5 УПК РФ роль суда как участника процесса в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а следовательно, и на предварительном слушании, не определена должным образом.

Принимая за основу позиции ученых³ и Верховного Суда РФ⁴ о том, что стадия рассмотрения уголовного дела по существу охватывается понятием судебного разбирательства и является стадией процесса, следующей за стадией подготовки дела к судебному разбирательству, мы отмечаем, что ст. 5 УПК РФ в определениях «суд» и «суд первой инстанции» не охватывает суд на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Пункт 48 статьи 5 УПК РФ предлагает под судом понимать рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством любой суд общей юрисдикции. Согласно пункту 52 статьи 5 УПК РФ под судом первой инстанции следует понимать суд, рассматривающий уголовное дело по существу и имеющий полномочия на вынесение приговора и принятие решений в рамках досудебного производства.

¹ Люблинский П. И. Новая теория уголовного процесса. — Петроград, 1916. — С. 26 ; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное судопроизводство. — Санкт-Петербург, 1887. — С. 12, 36, 39, 46. Об этом же см.: Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. — Москва, 1915. — С. 68 ; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — Санкт-Петербург, 1912. Т. 1. — С. 71—73.

² Сычев Д. А. Уголовно-процессуальные функции: эволюция понятия и системная основа // Право и политика. — 2016. — № 7. — С. 942.

³ См.: Курс уголовного процесса / Арутюнян А. А., Брусницын Л. В., Васильев О. Л. [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — Москва : Статут, 2017. — С. 865.

⁴ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, мы полагаем, что имеются дефекты юридической техники, требующие корректировки статьи 5 УПК РФ в целях обозначения суда, в том числе, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Изучая такую форму подготовки дела к судебному разбирательству, как предварительное слушание, мы пришли к выводу о том, что предварительное слушание позволяет в условиях состязательного процесса суду разрешить вопросы, подлежащие рассмотрению на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Именно в возможности решить вопросы с участием сторон на предварительном слушании ученые видят отличие от «кабинетной» формы подготовки к судебному заседанию. К примеру, как указывает Кальницкий В.В., «основной признак общего порядка заключается в отсутствии сторон: все вопросы, подлежащие рассмотрению, судья разрешает самостоятельно, не вынося их на обсуждение участников процесса, то есть действует не в рамках судебного заседания»¹. Л.В. Головкин именует предварительное слушание специальным судебным заседанием с участием сторон, проводимом в рамках подготовки к судебному разбирательству². Т.К.Рябинина определяет предварительное слушание как особый порядок производства на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, представляющий собой состязательную процедуру, обеспечивающую отправление правосудия в первой судебной стадии специфическими средствами, обусловленными как общими задачами стадии – по проверке материалов уголовного дела с целью установления наличия или отсутствия достаточных оснований и подготовке надлежащих условий для судебного разбирательства уголовного дела, в случае установления таких оснований, так и задачами предварительного слушания – разрешения наиболее сложных и спорных вопросов, касающихся прав и законных интересов сторон и требующих принятия решения судьей с учетом их мнения³.

¹ Кальницкий В. В. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе : учебное пособие / В. В. Кальницкий ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Омская академия МВД России. — Омск : Омская акад. МВД России, 2018. — 67 с.

² Курс уголовного процесса. С. 856.

³ Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : дис. ... д-ра. юрид. наук. Саратов — 2021. — С. 271—272.

Вопреки указанному, по нашему мнению, ст. 15 УПК РФ, определяющая функцию суда как разрешение дела, не охватывает в полном объеме предварительное слушание.

Под разрешением дела в суде первой инстанции в свою очередь понимается деятельность суда, направленная на подготовку к судебному разбирательству, исследование, проверку и оценку собранных по делу доказательств и принятие итогового процессуального решения¹. Однако, не всегда на предварительном слушании принимаются итоговые процессуальные решения, вынесение которых можно назвать разрешением уголовного дела.

Сами по себе основания для проведения предварительного слушания, закрепленные в ст. 229 УПК РФ, не предполагают обязательного разрешения уголовного дела. Разрешением уголовного дела можно назвать его прекращение на предварительном слушании, в том числе и с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Иные основания связаны с изменением движения уголовного дела либо не предусматривающие его дальнейшее движение, либо откладывающие его на неопределенный срок. К таким основаниям относятся основания для возвращения уголовного дела прокурору; приостановления уголовного дела; выделения иного уголовного дела из первоначально поступившего в суд; соединения уголовных дел. Другие основания связаны с определением процессуальной формы: при рассмотрении уголовного дела по существу с участием присяжных заседателей; для решения вопроса о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого (заочное судебное разбирательство) по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, если подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации, уклоняется от явки в суд и не был привлечен к ответственности за соответствующее преступление на территории иностранного государства.

С учетом изложенного, результаты предварительного слушания нельзя сводить к разрешению уголовного дела, а действие принципа состязательности необходимо признать и при разрешении иных вопросов на предварительном слушании.

¹ Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 22.

Таким образом, используемую законодателем формулировку функции суда в ст. 15 УПК РФ мы предлагаем пересмотреть, расширив ее применение, в том числе, на разрешение вопросов на предварительном слушании.

УДК 343.1

Е.В. ХРОМОВ

СООТНОШЕНИЕ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ И ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В силу ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, ст. 75, 89 УПК РФ, разъяснений, изложенных в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия», доказательства, полученные с нарушением закона, могут быть признаны недопустимыми и не будут иметь юридической силы.

Высший судебный орган разделяет нарушения закона на существенные (неустранимые) и несущественные (устранимые) при оценке допустимости доказательств¹, что отражено в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

Следовательно, если результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) получены с существенным нарушением закона, других федеральных законов и принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти они могут быть признаны недопустимыми доказательствами. В этой связи возникает вопрос, следует ли признавать существенным нарушением закона и как следствие признание результатов ОРД недопустимыми доказательствами, случаев подмены одного оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) другим? Полагаем возможным ответить на этот вопрос положительно. В специальной литературе уже обращалось внимание на недопустимость подмены оперативного

¹ Гармаев Ю. П. Устранение сомнений в допустимости доказательств // Законность. — 2011. — № 5. — С. 29—33.

эксперимента наблюдением, а проверочной закупки – сбором образцов для сравнительного исследования¹. Подмена оперативного эксперимента проверочной закупкой, как и обратный процесс недопустим, т.к. это различные по своим качественным и сущностным характеристикам мероприятия.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон) оперативный эксперимент и проверочная закупка включены в перечень ОРМ, к сожалению, без их легального толкования. Оперативный эксперимент, как и проверочная закупка проводятся только на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Оперативный эксперимент, в отличие от проверочной закупки не проводится в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений небольшой тяжести².

В определении Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 № 1093-О обращено внимание правоприменителя на то, что проверочная закупка схожа с договором купли-продажи, где одна сторона - продавец передает другой стороне предмет закупки, а другая сторона принимает его, оплачивая обозначенную продавцом сумму.

На основании ст. 49 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» проверочная закупка – оперативно-розыскное мероприятие, при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих ОРД, допускается приобретение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов и оборудования. Однако приведенное определение не может быть признано универсальным, т.к. его содержание ограничено предметом правового регулирования Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ.

Отсутствие легального определения оперативного эксперимента и проверочной закупки не способствует стабильности правоприменительной практики, что может повлечь подмену одного из приведенных ОРМ другим и как следствие, признание результатов ОРД недопустимыми доказательствами.

¹ Помелов А. А. К вопросу о необходимости законодательного закрепления понятий оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : сб. материалов. Междунар. науч.-пракго семинара / Сибирский юрид. ин-т МВД России. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. — С. 36—42.

² См. абз. 11 и 12 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Практикой не всегда предлагаются допустимые критерии разграничения оперативного эксперимента и проверочной закупки.

Например, сотрудники полиции при документировании преступной деятельности Ф. осуществили приобретение у него трижды при помощи К. психотропного вещества амфетамин как в рамках оперативного эксперимента, так и проверочной закупки. В суде оперативные сотрудники пояснили, что критерием выбора вида ОРМ являлась принадлежность денежных средств, за счет которых приобретались запрещенные вещества. При приобретении К. у Ф. амфетамина за счет собственных средств проводился оперативный эксперимент, а когда за счет заранее выданных средств сотрудниками полиции – проверочная закупка¹. Применение подобного подхода к разграничению оперативного эксперимента и проверочной закупки не являлось единичным².

Приведенный критерий разграничения не основан ни на нормах Закона, ни на положениях ст. 49 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», ни на требованиях ведомственных актов и является ошибочным. В силу ст. 19 Закона обеспечение оперативно-розыскной деятельности относится к расходным обязательствам Российской Федерации и осуществляется в порядке, устанавливаемом руководителями государственных органов, оперативные подразделения которых уполномочены осуществлять эту деятельность.

Проверочная закупка не является частным случаем оперативного эксперимента. Указанные ОРМ следует различать по целям и условиям их проведения. В случае если целью ОРМ выступает необходимость задокументировать фактическое исполнение лицом встречных обязательств, связанных с передачей запрещенных предметов или оказания услуг за плату в рамках мнимой сделки купли-продажи следует использовать проверочную за-

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 11 марта 2013 г. по делу 1-51/2013 по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 (3 эп.) УК РФ // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

² Приговоры Мичуринского городского суда Тамбовской области от 18 мая 2018 г. № 1-138/2018, от 15 августа 2017 г. № 1-259/2017, от 1 ноября 2016 г. № 1-364/2016, от 12 октября 2016 г. № 1-320/2016 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

купку. Если целью ОРМ является необходимость установить лишь сам факт возникновения встречных обязательств у лица, в отношении которого проводится мероприятия, возможность их осуществления необходимо проводить оперативный эксперимент.

При документировании организации и проведения азартных игр, сбыта товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей (ст. 171.2, 238 УК РФ) используется проверочная закупка, а получения взятки (ст. 290 УК РФ) – оперативный эксперимент¹.

Проблема разграничения анализируемых ОРМ не может быть решена путем выделения конкретных составов преступлений в рамках документирования которых будет применяться только оперативный эксперимент или только проверочная закупка. В данном случае выбор конкретного вида ОРМ зависит от целей и условий их проведения.

Документирование торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ), сбыта поддельных денежных средств, оружия, наркотических средств (ст. 186, 222, 228.1 УК РФ) осуществляется в рамках проверочной закупки, когда происходит мнимая сделка купли-продажи, в рамках которой виновное лицо выступает в роли продавца². В рамках документирования перечисленных составов преступлений оперативный эксперимент проводится, когда лицо, в отношении которого проводится ОРМ выступает в роли покупателя, например, приобретая товар на поддельные денежные сред-

¹ Родичев М. Л. Правовые основы проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления и документирования получения взяток : учебно-метод. пособие / М. Л. Родичев, А. И. Тамбовцев, А. Е. Четчин [и др.]. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. акад. Следственного комитета Российской Федерации», 2018. — С. 24 ; Приговоры Ленинского районного суда г. Иваново от 9 июня 2022 г. № 1-12/2022, от 17 июня 2022 г. № 1-26/2022 [по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ], Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербург от 8 июня 2018 г. № 1-498/2018 по ч. 1 ст. 238 УК РФ // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

² Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 11 июля 2018 г. № 1-209/2018 [по ст. 127.1 УК РФ], Одинцовского городского суда Московской области от 30 декабря 2019 г. № 1-745/2019 [по ч. 2 ст. 186 УК РФ], Ярославского районного суда Ярославской области от 11 ноября 2020 г. № 1-236/2020 [по ч. 1 ст. 222 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022) ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 44-УДП21-14-К7. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства (ст. 186 УК РФ)¹, либо мнимая купля-продажа пресекается сразу после подтверждения намерения совершить сделку (ст. 127.1, 222 УК РФ)².

На практике неоднозначно решается вопрос о возможности включения в предмет проверочной закупки услуг. В результате документирование деятельности, связанной с организацией или вовлечением в занятие проституцией (ст. 240, 241 УК РФ), в одних регионах осуществляется посредством оперативного эксперимента, а в других проверочной закупки.

Например, С. и А., действующие под псевдонимами в рамках оперативного эксперимента, передали администратору средства расчета, получив сексуальные услуги³. Сотрудник полиции Н. и лицо, привлеченное к проведению ОРМ, в рамках оперативного эксперимента передали в сауне двум девушкам денежные средства после чего мероприятие прекращено, а участники криминального бизнеса задержаны⁴.

М. и Б. прибыли в салон оказания сексуальных услуг, выбрали двоих девушек и передали организатору денежные средства в рамках проверочной закупки, после чего фигуранты уголовного дела задержаны сотрудниками полиции⁵. В схожих обстоятельствах проверочная закупка проводилась непосредственно сотрудниками полиции. После передачи денежных средств организатор предоставления сексуальных услуг задержан⁶.

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Ростов-на-Дону Ростовской области от 15 июля 2019 г. № 1-157/2019 [по ч. 1 ст. 186 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

² Приговор Пролетарского районного суда г. Твери Тверской области от 2 февраля 2015 г. № 1-299/2014 [по ст. 127.1 УК РФ], Одинцовского городского суда Московской области от 3 июля 2020 г. № 1-463/2020 [по ч. 2 ст. 222 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

³ Приговор Бийского городского суда Алтайского края от 7 сентября 2018 г. № 1-442/2018 [по ч. 1 ст. 240, п. «в» ч. 2 ст. 241 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

⁴ Приговор Советского районного суда г. Тулы Тульской области от 20 октября 2015 г. № 1-112/2015 [по ч. 1 ст. 240, п. «в» ч. 2 ст. 241 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

⁵ Приговор Промышленного районного суда г. Самары Самарской области от 20 сентября 2013 г. № 1-536/2013 [по ч. 1 ст. 241 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

⁶ Приговор Центрального района г. Тольяти Самарской области от 8 апреля 2016 г. № 1-168/2016 [по ч. 1 ст. 241 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

В доктрине также отсутствует единое мнение о допустимости проведения в рамках проверочной закупки приобретения услуг.

Так, ряд авторов признает возможность отнесения услуг к предмету проверочной закупки¹, а другие авторы отстаивают противоположную точку зрения².

Возникшая дискуссия в доктрине и правоприменительной практике может получить окончательное разрешение лишь после дополнения положений Закона легальными определениями всех существующих оперативно-розыскных мероприятий. Полагаем, что в настоящее время препятствий для проведения проверочной закупки в отношении услуг не имеется, действующее законодательство и ведомственные акты не содержат в данной части запрета.

Полагаем, что разграничение оперативного эксперимента и проверочной закупки при документировании фактов оказания услуг следует руководствоваться основаниями их проведения, закрепленными в п. 1 ч. 2 ст. 7 Закона (получение достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела). Если цели ОРД могут быть достигнуты путем документирования лишь намерения и возможности оказания запрещенных услуг следует проводить оперативный эксперимент. В ситуациях, когда возникает потребность осуществления мнимой сделки купли-продажи с фактическим получением услуг, в том числе сексуальных, необходимо проведение проверочной закупки.

Например, С. и М. добровольно приняли участие в трех проверочных закупках, в рамках которых с их помощью задокументированы обстоятельства фактического оказания последним сексуальных услуг за плату³. При схожих обстоятельствах сотрудники полиции в рамках оперативного эксперимента передали денежные средства организатору занятия проституцией, после чего мероприятие было прекращено, а виновные лица задержаны⁴.

¹ Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : электрон. учеб. изд. / С. В. Баженов [и др.] — Омск : Омская акад. МВД России, 2020. — 206 с.

² Никитин Е. Л., Дытченко Г.В. Основы теории оперативно-розыскной деятельности и прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2018. — С. 20, 27.

³ Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербург от 16 января 2015 г. № 1-140/2021 [по ч. 1 ст. 241 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

⁴ Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2013 г. № 1-15/2013 [по ч. 1 ст. 241 УК РФ] // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

Необходимость в фактическом получении сексуальных услуг в рамках проверочной закупки обусловлена в данном случае особенностью предмета доказывания, например, когда организация занятия проституцией осуществляется под прикрытием полуправовой деятельности по оказанию услуг массажа¹. Участие в роли закупщиков при фактическом предоставлении сексуальных услуг сотрудников полиции не является основанием для признания результатов ОРД недопустимыми доказательствами, что подтверждается правоприменительной практикой².

Проведенный анализ позволил сформулировать определения оперативного эксперимента и проверочной закупки.

1. Проверочная закупка – мнимая сделка купли-продажи, связанная с получением от лица, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие, выступающего продавцом, запрещенных предметов и услуг, с одновременной передачей последнему средств расчета.

2. Оперативный эксперимент – искусственно инициированное событие, в рамках которого в результате возникновения встречных обязательств у лица, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие, устанавливается намерение и возможность совершить преступление.

УДК 343.1

О.А. ЧАБУКИАНИ

ВЛИЯНИЕ ВЫБРАННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА ОБЪЕМ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В науке уголовного процесса одним из предметов исследования являются модели уголовного судопроизводства. К сожалению, во многом учение о моделях, типах, видах уголовного судопроизводства устарело и нуждается в тщательном исследова-

¹ Подробнее см.: Хромов Е.В., Зябликов В.Ю. Особенности применения оперативного эксперимента и проверочной закупкой // Законность. — 2022. — № 7 (1053). — С. 56—62.

² Апелляционное определение Московского городского суда по ч. 1 ст. 241 УК РФ от 26 июля 2013 г. № 10-5913/2013 на приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы от 8 мая 2013 г. № 1-98/2013 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).

нии, иногда возникают дискуссии в связи с тем, что за основу берутся различные основания разграничения, либо сравниваются отдельные типы процесса с конкретными видами. Это исключает возможности определения действительно важных постулатов конкретной модели при развитии вида процесса с учетом территории и национальных особенностей. Также иногда допускает смешение понятий «модель», «форма», «тип»¹.

Моделям и типам уголовного процесса на протяжении нескольких десятилетий посвящают свои труды: Н. В. Азаренок, В. В. Вандышев, О. Н. Ведерникова, Л. А. Воскобитова, С. В. Даронов, К. Б. Калиновский, С. Г. Коновалов, А. И. Макаркин, Е. В. Митрофанова, В. П. Нажимов, Н. К. Панько, Н. Т. Сардарян, А. В. Смирнов, И. А. Чердынцева, С. Д. Шестакова и другие.

Несмотря на то, что многие работы указанных авторов носят фундаментальный характер, исследование учения о моделях процесса обретают новый виток в своем развитии. Именно это учение исключает уголовной процесс из утверждения, что он является наукой, которая носит политизированный характер. На основе моделей, наука должна раскрыть содержание и особенности построения каждой из них, определить основания объединения систем на типы и виды.

Важным элементом выбора построения процесса являются не только судебные стадии, но и досудебное производство.

Общеизвестно, что большую роль в достижении состязательной модели играет наличие следственных органов, исключенных из подчинения органов исполнительной власти, признание на досудебных стадиях прав и свобод участников процесса.

Не вдаваясь в дискуссии, для того чтобы проанализировать влияние модели на объем полномочий следователя, приведем видение на некоторые понятия темы:

Тип уголовного судопроизводства — это группа уголовно-процессуальных систем, объединенных по конкретному принципу (по правовой семье (романо-германский, англо-саксонский, шариатский); по функциональному построению (состязательный, розыскной, смешанный); по общественно-экономической формации (рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический).

¹ Чердынцева И. А. Типы уголовного процесса: история и современность // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2005. — № 3 (4). — С. 258—261.

Вид уголовного судопроизводства – это разнообразные процессы в каждом из типов. То есть при типологизации по правовой семье могут быть выделены уголовные процессы конкретных государств; по функциональному построению могут быть выделены, например, в состязательном процессе по виду иска: частно-исковой, публично-исковой и смешанный, по общественно-экономической формации могут быть выделены процессы на конкретном историческом этапе развития.

Форма уголовного судопроизводства – допустимая активность сторон, направленных на доказывание и разрешение уголовных дел. Формы зависят от государственного строя и политического режима.

Конституция РФ провозгласила отечественный уголовный процесс состязательным, изменив многие институты и формы советского процесса, взяв вектор развития на международное право.

Ситуация февраля 2022 года доказала, что высшая ценность государства – права и свободы человека, может быть обеспечена лишь при должной защите суверенитета, конституционного строя государства. Начало специальной военной специальной операции завершило очередной этап развития процесса, который формировался под влиянием решений Европейского Суда по правам человека, и начала новый этап – отказ от европеизации норм международного права. Это скажется на новых предложениях по реформированию следственного аппарата.

Наделение следователя определенным объемом процессуальных прав зависит от выбранной модели построения и от сущности понимания правосудия на конкретном историческом этапе развития государства.

Изучая исторический аспект развития следственного аппарата, можно выделить следующие его этапы:

1. Дореволюционный:

1.1. Становление стадии предварительного следствия и следственного аппарата (реформы Петра I) – 1717-1724 г.

1.2. Упразднение следственного аппарата. Полицейское расследование – 1724-1806 г.

1.3. Реформирование следствия. Выделение формального и предварительного расследования (реформы Александра I) – 1806-1860 г.

1.4. Учреждение должности следственных судей (реформы Александра II). – 1860-1881 г.

1.5. Увеличение полномочий прокуратуры как карательного органа – 1881-1917 г.

2. Советский:

2.1. Упразднение должности судебного следователя – 1917-1928 г.

2.2. Выход следствия из административного подчинения судов и наделение прокуратуры полномочиями надзирающего и руководящего органа по отношению к предварительному следствию – 1928-1958 г.

2.3. Исключение судебного контроля за деятельностью следователя – 1958-1963 г.

2.4. Наделение органов внутренних дел правом осуществления предварительного следствия и оставление за прокурором надзорной функции за предварительным расследованием – 1963-1990 г.

3. Федеративный (конституционный) с приоритетом норм международного права:

3.1. Введение судебного контроля за осуществление предварительного следствия, оставление надзорной функции за прокурором – 1990-2007 г.

3.2 Упразднение надзорных функций прокурора за предварительным следствием – 2007-2010 г.

3.3 Реформирование следственного аппарата в целях выделения его из ведомственной принадлежности – 2010-2022.

4. Федеративный (конституционный) с отказом от европеизации норм международного права – февраль 2022 г. по настоящее время.

Каждый из перечисленных этапов имел право на существование и был определен национальным законодательством, политической ситуацией и влиянием отдельных европейских государств.

Изучая полномочия следователя, видно, что тенденция идет от розыскной к состязательной модели процесса, приобретая признаки обвинительного (аккузационного), то публично-состязательного процессов. Следует отметить, что в научной доктрине на всех указанных этапах состязательность определялась по-разному.

Согласны с мнением А. В. Смирнова, что именно предварительное расследование «есть истинное «светило» российского уголовного процесса и именно здесь лежит ключ к модернизации последнего»¹.

¹ Смирнов А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель // Международная Ассоциация Содействия Правосудию : офиц. сайт. — URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения 15.07.2022).

Многогранность, системность следственной деятельности обуславливают ее сложность как предмета научного исследования. Теоретический материал, накопленный на сегодняшний день отечественными и зарубежными учеными, настолько обширен, податлив для внутреннего структурирования и достигает такого уровня обобщения, что может быть поставлен вопрос о выделении самостоятельного учения – теории следственной деятельности. Система аргументов в пользу таковой объединяет три блока положений: 1) потребность в теоретических основах повышения степени защиты прав человека при производстве предварительного следствия; 2) наличие у следственной деятельности признаков предмета научного знания, требующего такой формы организации, которая давала бы целостное представление о внутренних закономерностях данного предмета; 3) наличие накопленного теоретического материала, достигающего достаточного уровня научного обобщения и поддающегося особому структурированию на общие положения, составляющие основы соответствующего знания, и положения частного характера, подчиняющиеся им и выводимые из них по логическим правилам.

Наука уголовного процесса уже знает примеры таких обобщающих учений. Например, теория доказательств, теория уголовно-процессуальных функций, теория принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве, теория дифференциации уголовного судопроизводства.

Именно теория следственной деятельности поможет выбрать наиболее эффективный путь реформирования следственного аппарата, направленного на придание досудебному производству больше признаков состязательной модели.

С учетом сущности и принципов состязательного уголовного процесса, можно дать следующее определение следственной деятельности в таком процессе: это вид государственной деятельности, осуществляемой гласно следователем, не относящимся к органу исполнительной власти и не подконтрольным ему, по уголовному делу, возбужденному прокурором или органом дознания, заключающийся в формировании доказательств, направленных на обеспечение формулировки и достаточность обоснованности обвинения, а также реализацию прав и законных интересов участников уголовного процесса на основе принципов процессуального равенства сторон, а также равенства публично-го и частного начала.

Многие ученые в реализацию такого построения предлагают предусмотреть должность судебного следователя¹.

При элементах розыскной модели в рамках досудебного производства следственная деятельность будет заключаться в деятельности следователя, принадлежащего органам исполнительной власти, по уголовному делу, возбужденному как по собственной инициативе следователя, так и органа дознания, направленной на изобличение и обвинение виновных в совершении общественно опасных деяний, которая строится на основе принципов официальности (должностной инициативы) и инструктивности.

На сегодняшний день в полномочиях следователя, имеющих признаки розыскной модели процесса, являются: возбуждение уголовного дела, вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, принятие решения о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям (за исключением случаев прекращения уголовного преследования в связи с недостижением возраста уголовной ответственности или в случае, когда преступность и наказуемость инкриминируемого деяния были декриминализованы новым уголовным законом, либо вследствие акта об амнистии, а равно по иным нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ), составление обвинительного заключения. Свидетельство также является отнесение следователя к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Изменением в сторону придания состязательности на досудебных стадиях является создание Следственного комитета РФ, расширения перечня действий, допустимых участниками стороны защиты в целях сбора доказательств, уменьшение прокурорского надзора за процессуальной деятельностью следователя, упразднение следователей налоговой полиции (Указ Президента от 11 марта 2003 года № 306) и следователей Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (Указ Президента от 05 апреля 2016 года № 155).

¹ Смирнов А. В. Институт судебных следователей — путь к состязательности в уголовном процессе // Евразийская адвокатура. — 2015. — № 1. — С. 7—9 ; Лазарева В. А., Николаева К. Н. Разграничение компетенции органов предварительного расследования, прокурора и суда по проверке доказательств // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5, № 1. — С. 25—30 и др.

Таким образом, для построения состязательной модели уголовного процесса, учитывая объем имеющихся теоретических исследований и практического опыта необходимо признать самостоятельность учения о следственной деятельности, позволяющей рассмотреть полномочия субъекта по формированию доказательств, достаточных для принятия справедливого окончательного решения, на различных исторических этапах, в различных правовых семьях. Как показывает история, именно выбранная модель построения процесса и понимание сущности правосудия определяет объем полномочий следователя.

УДК 343.1

И.Б. ШПИГЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ

Важнейшим участником в уголовном процессе являются свидетели, поскольку свидетельские показания весьма важны для осуществления справедливого правосудия. Не смотря на введения норм в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации гарантирующих безопасность, лиц участвующих в уголовном судопроизводстве проблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства так и не была решена. С принятием Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Федеральный закон) получили свои нормативные закрепления принципы и меры осуществления государственной защиты свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства. Порядок и основания применения мер обеспечения безопасности отражены в статьях 16 -12 Федерального закона. Законодатель определил, что для примирения мер безопасности необходимо письменное заявление защищаемого лица, либо его родственников, а в качестве оснований применения мер безопасности указал «гибель (смерть) защищаемого лица, причинение ему телесного повре-

ждения или иного вреда его здоровью в связи с его участием в уголовном судопроизводстве»¹.

Как верно отмечает Н.Е. Шенкервич применение мер безопасности возможно лишь при наличии несомненной угрозы к участнику уголовного судопроизводства.² Формальный подход государственных органов по обеспечению защиты к свидетелю или потерпевшему может привести к необратимым последствиям последних еще до осуществления правосудия. На практике, причинения физического, имущественного вреда осуществляется без предварительной угрозы участнику уголовного судопроизводства (свидетелю, потерпевшему) со стороны подозреваемого (обвиняемого) либо его представителями. Таким образом, законодатель не предусмотрел, что еще на стадии возбуждения дела участнику уголовного судопроизводства в лице свидетеля или потерпевшего существует физическая и (или) психологическая угроза в связи, с чем возникает необходимость применения мер безопасности еще на вышеуказанной стадии. Решением правового пробела может служить внесение изменений в ведомственные акты правоохранительных органов, регламентирующие порядок приема и регистрации сообщений о преступлениях, а также внесение изменений в должностные инструкции сотрудников дежурной части³, с чем мы солидарны.

Согласно государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 годы» (далее – государственная программа) в период с 2014 по 2017 годы число защищаемых лиц, которые были задействованы в программных мероприятиях, в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год. За указанный период в отношении этих защищаемых лиц осуществлено более 33500 мер безопасности. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 июня 2004 г. № 119-ФЗ — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309631/9f039f6e40ccea831058c43d4f939e59ee36e4b4 (дата обращения: 09.07.2022).

² Шинкевич Н. Е. О праве потерпевшего на доступ к правосудию // Администратор суда. — 2009. — № 1. — С. 38—41.

³ Лозовский Д. Н., Ульянова И. Р. Актуальные вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальными мерами в досудебном производстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 11. — С. 113.

имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место»¹. Выделяя ресурсы для реализации государственной программы, законодатель ожидает реальные результаты и применения конкретных мер в ходе ее осуществления к ним относятся: «недопущения воздействия на свидетеля, потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства; компенсация материальных затрат членам семей, защищаемых лиц; предупреждение совершения преступлений в отношении защищаемых лиц; исключение (ограничение) доступа к информации о защищаемых лицах со стороны заинтересованных лиц; исключение воздействия на защищаемых лиц, содержащихся под стражей или находящихся в местах лишения свободы»². Отдельного внимания заслуживает обеспечение мер безопасности «информатора», находящегося в местах лишения свободы, ранее сотрудничавшего со специальными службами. Как отмечает Мартышкин В.Н. зачастую при освобождении «источника» с исправительных колоний происходит расправа над «информатором» бывшими «сидельцами», что в свою очередь свидетельствует о не эффективности применения мер безопасности и правовой защиты специализированных органов по отношению к «источнику». Подобная ситуация приводит к «утечки» информации³. Решением проблемы может служить своевременное внесение изменений в персональные данные «источника» при направлении в места лишения свободы, а по освобождению из исправительной колонии предоставление личной охраны в плоть до изменения места жительства. Государство в лице правоохранительных органов должно гарантировать правовую защиту конфедентам. Не принятия надлежащей государственной защиты в значительной степени вызывает чувство беспомощности к ор-

¹ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019 - 2023 годы : Постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA_W309631/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b (дата обращения: 09.07.2022).

² Там же .

³ Мартышкин В. Н. Коллизии правоприменения при обеспечении допроса «скрытых» участников уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура — 2017. — № 4 (29) — С. 74.

ганам государственной власти, осуществляющих борьбу с преступлениями. Подобная ситуация в практической деятельности может привести к отказу потенциального свидетеля от работы со следствием, а также отказу от ранее данных показаний еще в ходе досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Резюмируя изложенное отмечаем, что совершенствование законодательства по обеспечению мер государственной защиты, а также надзор за его осуществлением повысит доверие субъектов уголовного процесса к правоохранительным органам, что в значительной степени будет способствовать сокращению преступности путем содействия потерпевших и свидетелей на всех стадиях уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

С.А. ЯЛЫШЕВ, А.Х. ЭЙВАЗОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРОК ПО ДЕЛАМ О ПРЕВЫШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, СОПРЯЖЕННОМ С ПЫТКАМИ

Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, «стадия возбуждения уголовного дела является обязательной, актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда. Возбуждение дела понимается как процедура официального начала предварительного расследования. Актом возбуждения дела создается условие для производства принудительных процессуальных действий, и обеспечиваются права заинтересованных лиц: заявителя, будущего потерпевшего и подозреваемого»¹ (Определения КС РФ от

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. по делу № 89-УДП20-10 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. — URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 19.07.2022).

21.10.2008 года № 600-0, от 24.12.2012 года № 2242-0). При данных обстоятельствах особое процессуальное значение для полного, правильного, всестороннего и объективного расследования будущего уголовного дела имеет проведение эффективной процессуальной проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ.

Однако судебное-следственная и прокурорская практика свидетельствуют о том, что проведение доследственных проверок по сообщениям о преступлениях по отдельным категориям уголовных дел имеют свои специфические особенности. К такой «особой категории» следует отнести процессуальные проверки сообщений о преступлениях, выразившихся в превышении должностных полномочий со стороны сотрудников правоохранительных органов в отношении задержанных.

Собственно процессуальный статус «задержанный» определяется через толкование п.11 ст.5 УПК РФ, как подозреваемый, подвергнутый «мере процессуального принуждения, применяемой органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления». Соответственно, процессуальный статус «задержанный» является достаточно краткосрочным, ограниченным временным промежутком «не более 48 часов с момента фактического задержания лица», то есть момента производимого в порядке ст. 92 УПК РФ фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п.15 ст.5 УПК РФ).

Наиболее значимым для эффективной оперативно-розыскной и следственной деятельности правоохранительных органов по собиранию и закреплению доказательств в ходе расследования уголовного дела на его первоначальном этапе является именно работа с подследственным по «горячим следам», главной целью которой является получение полных, подробных и правдивых объяснений и показаний подозреваемого в течение 48 часов с момента его фактического задержания до рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения.

По мнению А.И. Бастрыкина и Григорьева В.Н., тактики задержания подразделяются на два типа:

«1) захват при непосредственном обнаружении общественно опасного деяния на основе внезапно полученных данных;

2) захват, осуществляемый на основе данных о причастности конкретного лица к совершенному преступлению, полученных в результате анализа материалов уголовного дела и других источников информации»¹.

Оглушающий психологический эффект неожиданности, при-
сущий тактике фактического задержания подследственного, как
правило, выбивает подозреваемого из нормального размеренного
эмоционально-душевного состояния, создавая обстановку для
получения и фиксации сотрудниками оперативных органов кри-
миналистически значимой информации, которая после проверки
ее следственным путем может иметь доказательственное значе-
ние. Поскольку подготовка к задержанию включает в себя выбор
места и времени задержания, изучение обстановки на месте за-
держания с целью максимального исключения посторонних фак-
торов, которые могут препятствовать или помешать осуществле-
нию задержания подозреваемого, а также способствовать причи-
нению вреда гражданам и их собственности, то проведение дан-
ного мероприятий представляет особую значимость для предва-
рительной изоляции преступного элемента от общества.

Само задержание подозреваемого, как правило, не проводится
под видео и (или) аудиозапись, а в случае наличия у подозревае-
мого технической возможности фиксации хода и порядка задер-
жания, то данные предметы изымаются при личном обыске, что
исключает возможность получения объективных свидетельств о
действиях и поведении лиц, участвующих в задержании.

С момента фактического задержания до составления следова-
телем протокола задержания подозреваемого, подследственный
находится в предварительной (досудебной) изоляции от всего
остального мира в полной власти оперативных сотрудников, ко-
торые проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий,
направленных на «выявление, предупреждение, пресечение, рас-
крытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их
подготавливающих, совершающих или совершивших»².

При этом, действующим федеральным законом правовой ста-
тус «задержанного» отдельно не регламентирован, несмотря на
наличие отличительных особенностей от общего понятия «подо-

¹ Криминалистика : учебник. В 2 т. Т. 2 / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — Москва : Экзамен, 2014. — С. 189.

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 авгу-
ста 1995 г. № 144-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 июня 2022 г.

зреваемого» (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Единственными правилами уголовно-процессуального закона, применимыми в данной ситуации являются положения ст.ст. 92 ч. 1, 46 ч. 2 УПК РФ, согласно которым «после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 настоящего Кодекса»; «подозреваемый, задержанный в порядке, установленном статьей 91 настоящего Кодекса, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания». Однако данные процессуальные сроки являются по большому счету делопроизводственными, а не пресекательными, то есть не порождающими признание незаконности процессуального действия в случае их нарушения.

Вышеизложенное свидетельствует лишь о том, что в нынешних реалиях фактическое задержание само по себе может иметь повышенную криминогенную опасность для непосредственно лица, подозреваемого в совершении преступления, в том случае, если должностные лица, принимающие участие в данном мероприятии, имеют преступные намерения, которые могут возникнуть как непосредственно во время задержания у отдельного сотрудника правоохранительного органа, так и вообще быть планируемыми в составе группы лиц в ходе подготовки к задержанию.

В данной ситуации само преступление, в совершении которого пало подозрение на конкретное лицо, уходит на «второй план»: правоохранитель становится преступником, а преступник – жертвой, что, безусловно, дестабилизирует ход производства по уголовному делу, расследуемому изначально в отношении подозреваемого.

Первой реальной процессуальной возможностью, независимой от воли оперативных работников, дающей подозреваемому право впервые заявить о совершённом в отношении него преступлении, связанном с полицейским насилием или угрозой его применения, будет заявление под составляемый следователем протокол задержания подозреваемого и (или) в прилагаемых к нему заявлениях и (или) замечаниях на данный протокол. При этом, сами сообщения о преступлении могут быть написанными дрожащими от страха и шока пальцами подозреваемого, что может и вообще усложнять их прочтение, а также быть лаконичными из-за страха мести обидчиков за обращение с данным заявлением

на имя следователя. В данном случае, процессуально важным является не столько объемность описания события преступления, столько сам смелый факт заявления о нем.

Однако практика свидетельствует о негативных тенденциях, когда следователь может и не зарегистрировать сделанное сообщение о преступлении, полученное из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), для принятия законного и обоснованного процессуального решения в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ, а рассмотреть заявление подозреваемого в порядке Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Данное явление может быть объяснено тем, что практика регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, сделанных подследственными, в целом свидетельствует о недоверии правоохранительных органов к данным сообщениям по причине возможной попытки дискредитации работы сотрудников оперативно-следственных органов, с целью признания полученных в ходе соответствующих следственных действий доказательств недопустимыми.

Сложившаяся негативная тенденция обусловлена действующим нормативно-правовым регулированием порядка приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах СК России, к подследственности которых федеральным законодателем отнесено производство предварительного расследования в форме предварительного следствия в отношении сотрудников органов внутренних дела РФ, органов федеральной службы безопасности и иных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, производящих фактическое задержание подозреваемых (пп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

К примеру, позиция органов прокуратуры Санкт-Петербурга при рассмотрении Василеостровским районным судом Санкт-Петербурга жалобы заявителя Х. в порядке ст. 125 УПК РФ на отказ следователя и руководителя следственного органа 3 СО 1 УРОВД ГСУ СК РФ по Санкт-Петербургу в регистрации 20.02.2018 сообщения о преступлении, сделанного в заявлении к протоколу задержания подозреваемого от 22.08.2017 о полицейском насилии и угрозе его применения во время задержания сводилась к утверждению, что суд не имеет полномочий давать указания следователю регистрировать сообщения о преступлении,

так как это является исключительной компетенцией следственных органов системы СК России, которые в соответствии с п. 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы СК РФ, утвержденной Приказом СК России от 11.10.2012 № 72. Более того, позиция органов ГСУ СК РФ по Санкт-Петербургу и прокуратуры Санкт-Петербурга сводилась к необходимости расширительного толкования абз. 2 п. 20 Инструкции, распространяя его положения на оперативных сотрудников¹. По итогу полноценного судебного разбирательства, постановлением судьи Василеостровского районного суда от 13.04.2022 года жалоба заявителя Х. в порядке ст. 125 УПК РФ была удовлетворена, однако прокуратура подала апелляционное представление с целью отмены решения суда первой инстанции.

Вышеуказанный пример наглядно описывает противоборство, которое оказывается пострадавшим от полицейского насилия со стороны даже не в рамках возбужденного уголовного дела и не в рамках доследственной проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ, а просто в вопросе регистрации сообщения о преступлении в КРСП, как обязательного элемента для инициации доследственной проверки, которая может инициировать уголовное преследование. Битва за *право на право* бывает куда более ожесточенной, чем само совершенное преступление. По этой причине далеко не каждая жертва способна отстаивать в органах государственной власти свои права и свободы до победного конца, что способствует латентизации данных преступлений.

Отсутствие в уголовном законе на протяжении длительного времени с 1996 по 2022 годы понятия «пытка» вовсе не свидетельствовало об отсутствии на практике данных деяний. Декларируемыми причинами введения понятия «пытка» в виде примечания № 1 к ст. 286 УК РФ и соответственно дополнениями и изменениями нормы данной уголовного закона, авторами законопроекта № 42307-8 мотивировалось в соответствующей пояснительной записке тем, что «формирование отрицательного отношения общества ко всей правоохранительной системе, порож-

¹ Протокол судебного заседания Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 5 апреля 2022 г. Материалы дела № 3/10-8/2022 // Архив Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга.

дает в обществе нигилизм к правопорядку и приводит к ошибочному выводу, что насилие, жестокость и несправедливость являются естественными вещами, а их применение необходимо для социально значимых целей»¹.

При этом, с учетом и анализом правоприменительной практики Госдумой РФ, обсуждением с общественными организациями законопроекта № 42307-8, никаких изменений в уголовно-процессуальный закон, направленных в сторону повышения эффективности процессуальных проверок по ст. 286 УК РФ, не вносилось. Следует обратить внимание, что арсенал процессуальных действий в рамках проверочных мероприятий чрезмерно узок. Так, в рамках доследственной проверки практически невозможно пострадавшему опровергнуть полученные объяснения сотрудников правоохранительных органов, которые в своих объяснениях, как правило, придерживаются единой линии защиты. Слово одного против слов группы лиц. Отсутствие возможности проведения очных ставок между пострадавшим и причинителем вреда, а также опознания на стадии процессуальных проверок лишает возможности даже установления злоумышленника, который мог во время пытки находиться в маске.

К примеру, подозреваемый Л., являющийся оперативным сотрудником ОМВД России по Тосненскому району Ленинградской области, во время фактического задержания сотрудниками УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, был подвергнут физическому насилию со стороны сотрудника в маске-балаклаве, выразившемуся в применении электрошокера в область гениталий, с требованием дачи показаний на начальника ОМВД. По итогу двух лет процессуальных проверок и 16 отказов в возбуждении уголовного дела, материал проверки накопил 12 томов. Фактически процессуальная проверка подменила предварительное расследование. Сложность установления личности причинителя вреда заключалась в невозможности опознать злоумышленника, так как неустановленный сотрудник федеральной службы безопасности находился в маске, исключающей обзор лица. Однако при проведении проверочных мероприятий ВСО по Санкт-Петербургскому гарнизону во время

¹ Законопроект № 42307-8 // СОЗД [Система обеспечения законодательной деятельности] : сайт. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.07.2022).

взятия объяснений под видеозапись с предполагаемого злоумышленника, последний начал падать в обморок, из-за чего производство данного процессуального действия откладывалось, выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При повторной попытке взятия объяснений под видеозапись, данный предполагаемый злоумышленник снова падал в обморок, из-за чего производство данного процессуального действия срывалось, снова выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Полученные в рамках проверочных мероприятий образцы голосов оперативных сотрудников, принимавших участие в фактическом задержании подозреваемого Л., для сравнительного исследования, не позволяли пострадавшему опознать кого-либо. Неофициально пострадавший опознал злоумышленника по косвенным признакам, но данных примет было недостаточно для возбуждения уголовного дела в отношении данного лица. По итогу следователем ВСО по Санкт-Петербургскому гарнизону было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела в отношении неустановленного лица, при том обстоятельстве, что круг лиц, участвовавших в фактическом задержании подозреваемого Л., а также иных подозреваемых Б., Е., Р. и Щ. был полностью установлен, что также получило оценку при вынесении им судебного приговора¹.

Однако в практике производства процессуальных проверок по ст. 286 УК РФ нередки и вовсе вопиющие случаи, когда на протяжении длительного времени следователем даже не производится взятия объяснений с непосредственного самого пострадавшего, из-за чего утрачивается возможность получения полной картины произошедшего, что также ведет к упущению шанса установления психологического контакта государства в лице должностного лица органа следствия и жертвы. К примеру, по материалу проверки КРСП № 377 от 14.07.2020 года по настоящее время не проведено следователем СО по Адлерскому району города Сочи СУ СК РФ по Краснодарскому краю собственно взятия объяснений с пострадавшего, несмотря на имевшиеся четыре отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела².

¹ Материалы уголовного дела № 1-17/2022 (1-54/2021; 1-407/2020) // Архив Тосненского городского суда Ленинградской области.

² Архив СО по Адлерскому району г. Сочи СУ СК РФ по Краснодарскому краю.

Авторы приходят к выводу, что произведенное ужесточение санкции нормы уголовного закона само по себе вовсе не означает повышение эффективности применения уголовно-процессуального закона, заключающегося, в первую очередь, в проведение эффективных, достаточных и своевременных проверочных мероприятий, необходимых для возбуждения уголовного дела и привлечения виновных к установленной законом ответственности.

Проблема проведения процессуальных проверок сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 286 УК РФ носит комплексный характер, обусловленный как действующим нормативно-правовым регулированием, так и недостаточностью и неэффективностью работы отдельных представителей следственных властей, а также недоверием к данным сообщениям, сделанным подследственными.

УДК 343.1

Е.В. ПУШТОРСКАЯ

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДСТВЕННЫХ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ
В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ**

На современном этапе выявления, пресечения и предупреждения налоговых преступлений поводом для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях не может быть рапорт органа дознания, постановление прокурора, сообщение о преступлении, полученное из иных источников, так как исключительная прерогатива инициации уголовного судопроизводства за уклонение от уплаты налогов принадлежит налоговым органам, которые провели проверку и установили нарушения налогового законодательства, содержащие признаки преступления. Следовательно, взаимодействие налоговых и следственных органов постепенно переходит в новую форму, основой которой выступает существовавшая в период 2011 по 2014 г. модель возбуждения уголовных дел рассматриваемой категории, скорректированная на новые законодательные, экономические и даже политические реалии.

В целях определения перспектив взаимодействия обозначим основные проблемные аспекты возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях в действующем режиме нормативного регулирования.

Как справедливо отмечает Горобец Д.Г., «действующие положения уголовно-процессуального законодательства не допускают возбуждения уголовного дела по ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ не только по материалам, поступающим от органов внутренних дел, но и по материалам налогового органа, направляемым без соблюдения порядка, установленного п. 3 ст. 32 НК РФ»¹.

И действительно, правоприменительные проблемы в современном механизме возбуждения дел о налоговых преступлениях создает нормативное регулирование совокупности обстоятельств, после наступления которых налоговый орган обязан направить в следственные органы материалы проверки, предусмотренные Протоколом к Соглашению о взаимодействии между Следственным комитетом и Федеральной налоговой службой от 13.02.2012 № 101-162-12/ММВ-27-2/3, а следственный орган обязан их принять и зарегистрировать как сообщение о преступлении в соответствии с п.3 ч.1 ст.140 УПК РФ. Речь идет о «невозможности выставления требования об уплате налога, сбора, страховых взносов в соответствии с положениями ст. 69 НК РФ в случаях, когда налогоплательщик признан банкротом, в отношении него введена процедура конкурсного производства, и налоговый орган должен заявлять свои требования, включая доначисления по проверке, в арбитражном процессе, включая их в реестр кредиторской задолженности, что формально не позволяет налоговому органу выполнить условия п.3 ст. 32 НК РФ и потребовать уплаты доначисленных сумм от налогоплательщика»². Следовательно, невозможно выполнить и условия направления материалов проверки в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

¹ Горобец Д. Г. Процессуальные аспекты возбуждения уголовных дел по ст. 199.2 УК РФ с учетом введения ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ // *Налоги.* — 2022. — № 4. — С. 39.

² Пушторская Е. В. О роли арбитражного суда в механизме возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // *Молодежь, наука и цивилизация : материалы Междунар. студенческой науч. конф. / Сибирский юрид. н-т МВД России.* — Вып. 24. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2022. — С.385.

Существенное значение имеет зависимость результатов уголовного преследования от результатов арбитражного процесса по спору налогоплательщика и налогового органа. Законодатель не ставит возможность начала уголовного преследования от существования между налогоплательщиком и налоговым органом разногласий в части наличия и квалификации налогового правонарушения, обладающего признаками уклонения от уплаты налогов, в том числе и при принятии судом обеспечительных мер в виде приостановления исполнения решения налогового органа, о чем ФНС России сообщала еще в 2011 г.¹

На уголовно-правовую перспективу направленных налоговым органом материалов влияет установление непосредственно в ходе налоговой проверки лиц, виновных в совершении налогового правонарушения, организовавших схему налоговой оптимизации, выходящей за рамки законной, лиц, вовлеченных в ее реализацию, полнота установленных фактов умышленной неуплаты, обстоятельств получения и результатов выражения незаконной налоговой экономии в виде либо личного обогащения бенефициаров и руководителей налогоплательщика с установлением объектов гражданских прав, которые являются материальным выражением такого обогащения, либо в виде создания (приобретения) на преступным путем неуплаченные налоги производственных либо хозяйственных активов налогоплательщика, третьих лиц, входящих с ним в одну группу компаний.

Важность установления обозначенных фактов на стадии проверки и фиксация некоторых из них в акте заключается в следующем: налоговые проверки в большинстве случаев проводятся в течение длительного времени, зачастую с момента начала проверки до момента направления материалов в следственные органы проходит более 1,5 лет, и налогоплательщик успевает уничтожить документы, доказательства, скрыть следы преступления, провести определенную работу и оказать разного рода влияние на лиц, вовлеченных в схему уклонения либо ее непосредственно реализующих, с целью затруднения в дальнейшем установления следственным органом обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Как верно указывает Куликова О.Н., «действия органов ФНС России носят гласный характер, что позволя-

¹ О порядке применения положений пункта 3 статьи 32 Налогового кодекса Российской Федерации : Письмо Федеральной налоговой службы от 11 октября 2011 г. № АС-4-2/16795. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

ет недобросовестным налогоплательщикам после объявления им о проведении мероприятий налогового контроля скрыть следы преступной деятельности либо придать им легальный характер посредством составления сфальсифицированной отчетности с реквизитами подставных юридических лиц»¹.

Препятствия для направления материалов в следственные органы, вызванные длительностью проведения налоговой проверки и составления документов по ее результатам, создает также вынесение решения об отказе в привлечении к налоговой ответственности в связи с истечением сроков давности привлечения к налоговой ответственности за неуплату налогов в соответствии с положениями ст. 122 НК РФ.

Таким образом, на основе анализа круга взаимосвязанных проблемных вопросов уголовного судопроизводства указанной категории дел, видится целесообразным углубление взаимодействия по следующим направлениям.

На стадии проведения налоговой проверки, продолжая реализацию направлений взаимодействия, обозначенных совместным Приказом МВД России, ФНС России, СК России «О создании межведомственных рабочих групп»², преследуя цели гарантированного возбуждения уголовного дела при направлении в дальнейшем материалов проверки и улучшения их уголовно-правовой перспективы, необходимо регулярно проводить заседания межведомственных рабочих групп по обсуждению хода проверки, на которых совместно определять перечень необходимых для достижения поставленных целей мероприятий налогового контроля, круга лиц, в отношении которых необходимо их провести, согласовывать описание построения бизнес-модели налогоплательщика с распределением ролей в группе, степени участия руководителя и бенефициаров налогоплательщика в применении схем уклонения и иные имеющие значение для квалификации деяния в качестве преступления вопросы. Результатом обсуждения текущих проверок, итоги которых предполагают дальнейшую квалификацию уклонения от уплаты налогов, может явиться получение рекомендаций следственных органов по

¹ Куликова О. Н. Проблемные вопросы при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях и расследовании уголовных дел данной категории // Российский следователь. — 2015. — № 1. — С. 4.

² О создании межведомственных рабочих групп : Приказ МВД России, ФНС России, СК России от 3 сентября 2013 г. № ММВ-7-4/306/61/663@. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доказыванию инструментами налогового контроля вины должностных лиц налогоплательщиков либо его бенефициаров, умысла в их действиях и иных обстоятельств, которые в дальнейшем будут составлять предмет доказывания уже по уголовному делу, способствуя его раскрытию.

Также считаем необходимым в ходе таких заседаний определять предварительные сроки составления процессуальных документов налоговой проверки, и в случае предположения об истечении к моменту вынесения решения по результатам проверки сроков давности привлечения к налоговой ответственности по ст. 122 НК РФ в отношении установления нарушений налогового законодательства в крупном либо особо крупном размере в обязательном порядке предпринимать меры по установлению совершения налогоплательщиком иных нарушений, влекущих привлечение к налоговой ответственности по ст. 116, 119, 120, 126 НК РФ.

На этапе направления материалов проверки в следственные органы наряду с копиями налоговых деклараций, в которых выявлены нарушения, необходимо направлять представленные налогоплательщиком по запросу налогового органа сведения о бенефициарных владельцах, которые налоговый орган вправе запрашивать у налогоплательщика в соответствии с законодательством о противодействии отмыванию преступных доходов¹, и которые в случае их отсутствия следует запросить у налогоплательщика в ходе проверки. К данным сведениям полагаем целесообразным представление справки, содержащей краткие выводы налогового органа, с приведением доказательств, на которых они основаны, опровергающие сведения о бенефициаре, раскрытые налогоплательщиком, в случае установления в ходе проверки иного лица (лиц), являющегося действительным бенефициаром общества. Такие расхождения в сведениях свидетельствуют о намерении реального бенефициара скрыть свое участие в управлении деятельностью налогоплательщика, в создании либо применении схем уклонения от налогообложения, следовательно, избежать уголовного преследования. Напротив, акцент на конкретном лице и его роли в схеме уклонения еще на стадии

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2022 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проверки сообщения о преступлении поможет определить круг проверочных мероприятий и будет содействовать более эффективному планированию и проведению следственных действий после его возбуждения. Указанную справку можно предусмотреть как подлежащую составлению обособленно либо в составе справки, содержащей сведения об имуществе, за счет которого будет производиться возмещение ущерба.

При этом в целях устойчивой перспективы поддержания судом ходатайства следователя об аресте, необходимо представлять в следственные органы не только сведения об имуществе налогоплательщика, его бенефициаров, третьих лиц, на которые либо переводилось имущество, либо приобреталось в период преступной налоговой экономии, но и о документально подтвержденных фактах приобретения имущества данными лицами на преступные доходы в виде неуплаченных в установленный срок налогов. У налогового органа есть возможность установить данные факты еще на стадии проверки, и это является приоритетным именно на стадии фиксации налоговых правонарушений. Неуплаченные налоги представляют собой денежные средства, преимущественно в безналичном виде, которые остаются в распоряжении налогоплательщика либо переводятся подконтрольным ему третьим лицам (при построении схем формального документооборота с юридически независимым и фактически подконтрольным контрагентом либо при применении схем уклонения путем дроблении бизнеса), и направляются на приобретение недвижимости, предметов роскоши, производственных либо непроизводственных активов и проч., что в современных условиях недостаточности наличных денежных средств в гражданском обороте оставляет явные документальные следы, которые налоговый орган может обнаружить при анализе финансовых операций налогоплательщика, контрагентов, зависимых лиц, бенефициаров компаний и их родственников. Однако, по нашему мнению, сведения о таких фактах и их документальное подтверждение не следует отражать в акте проверки либо в решении о привлечении к ответственности, так как раскрытие налогоплательщику осведомленности налогового органа о данных фактах побудит его лишь к стремлению юридически усложнить процедуру дальнейшего ареста такого имущества путем его фиктивной продажи либо иного отчуждения, сокрытия имущества либо данных о нем с целью вывода из-под перспективы ареста.

«Располагая сведениями о предполагаемой сумме неуплаченных налогов (к примеру, при наличии акта выездной налоговой проверки), руководство организации может предпринять меры по отчуждению наиболее ликвидного имущества, в результате чего организация фактически превращается в банкрота и впоследствии не способна погасить задолженность по налогам и сборам»¹. В связи с чем целесообразно направлять такие сведения в следственные органы в форме справки.

На этапе реализации уголовного судопроизводства по возбужденному уголовному делу при наличии повода в виде материалов налоговой проверки, достаточных данных, указывающих на признаки уклонения от уплаты налогов, и существования арбитражного спора с налогоплательщиком интересам как следственных, так и налоговых органов будет отвечать незамедлительное проведение следственных действий, направленных на получение и закрепление следов налогового преступления (обыски, выемки и проч.), в целях представления их в качестве доказательств в арбитражном споре, так как результаты уголовного преследования находятся в зависимости от поддержки позиции налогового органа арбитражным судом. Эффективное использование доказательств, полученных в ходе расследования, и формирование на их основе более прочной позиции налоговых органов в суде подтверждаются многочисленной судебной практикой.²

В отношении перспективы исключительной компетенции налоговых органов по направлению материалов в следственные органы полагаем, что с учетом вероятного снижения количества результатов возбуждения уголовных дел и сумм возмещения ущерба бюджетной системе по налоговым преступлениям в ближайшие годы необходимым будет являться поиск и законодательное закрепление механизмов расширения круга поводов при сохранении ведущей роли налогового органа.

¹ Семенчук В. В. К вопросу об участии органов внутренних дел в обеспечении погашения задолженности по налогам и сборам // *Налоги*. — 2014. — № 3. — С. 28.

² См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 января 2020 г. по делу № А56-146534/2018, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного от 28 декабря 2020 г. по делу № А56-36758/2020.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Развитие информационных технологий неизбежно влечет за собой их внедрение во все сферы жизни, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, позволяет как улучшить эффективность уголовного процесса в целом, так и во многом призвано облегчить процесс для правоприменителей. Одним из направлений внедрения технологий в уголовный процесс является использование систем видео-конференц-связи (ВКС). Данные системы активно используются судами в российском гражданском, арбитражном и уголовном процессе длительное время, однако использование данных систем в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях процесса при производстве следственных действий стало возможным только 30.12.2021, в связи с введением статьи 189.1 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Вместе с тем использование систем ВКС в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях уголовного процесса возможно во многих государствах, таким образом, в связи с недавним введением статьи 189.1 УПК РФ, необходимо обратиться к зарубежному опыту в целях возможного усовершенствования российского законодательства в этой области.

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства (уголовного процесса Великобритании, стран Европейского Союза, а также стран СНГ – Республики Беларусь и Республики Казахстан) в области использования систем ВКС на досудебных стадиях уголовного процесса показал, что положения закона в этой сфере являются схожими для законодательства всех анализируемых государств – под видео-конференц-связью понимается одна и та же технология, цели и порядок использования также во многом являются схожими. Различия в применении данных систем на досудебных стадиях процесса в основном касаются участников процесса, в отношении которых производится следственное действие, а также самих следственных действий, которые возможно произвести с использованием данных систем.

Например, Уголовно-процессуальным кодексом Германии (параграф 58b) производство допроса «с использованием системы передачи изображения и звука» разрешено только в отношении свидетеля, кроме того, не предусмотрено производство иных следственных действий с использованием данных технологий¹. При этом Уголовно-процессуальным кодексом Франции (статья 706-71) разрешено использование средств «аудиовизуальной связи» при производстве и допроса и очной ставки, а круг допрашиваемых лиц по их процессуальному статусу в уголовном деле, в отношении которых возможно применение данных систем, не ограничен. Необходимо отметить, что этим же положением предусмотрено производство данных следственных действий как при нахождении допрашиваемых лиц в разных поселениях на территории Республики, так и в различных государствах на территории Европейского Союза².

В странах СНГ, в частности, в Республике Казахстан и Республике Беларусь аналогично разрешено производство следственных действий с использованием систем ВКС, при этом Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан позволяет производить допросы свидетелей и потерпевших (статья 213 УПК РК)³, а в Республике Беларусь статьей 224.1 УПК РБ, помимо допросов свидетелей и потерпевших разрешено производство очной ставки и предъявления лица для опознания с использованием видео-конференц-связи (веб-конференции)⁴.

В Российской Федерации в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ, использование систем ВКС на досудебных стадиях процесса наиболее подробно регламентировано в части порядка производства данных следственных действий по сравнению с иностранными государствами. Что касается вышеописанных различий, в Российской Федерации разрешено производство широкого круга следственных действий с использованием ВКС — допросы, предъявление для опознания (и предметов и лиц), очные ставки.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Германии. URL: <https://dejure.org/gesetze/StPO/58b.html> (дата обращения: 04.11.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Франции. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006138136/#LEGISCTA000006138136 (дата обращения: 04.11.2022).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&pos=4074;-52#pos=4074;-52 (дата обращения: 04.11.2022).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (дата обращения: 04.11.2022).

По смыслу данной статьи производство таких следственных действий возможно при нахождении допрашиваемого лица на значительном отдалении от лица, производящего расследование, например, в другом регионе Российской Федерации. Производство следственных действий с использованием ВКС с лицом, находящимся на территории другого государства, является недопустимым, несмотря на то что прямого запрета на это в статье не содержится. Это утверждение вытекает из других положений статьи – об организации по поручению следственного действия следователем или органом дознания по месту нахождения лица, с которым должно быть произведено следственное действие.

При этом на первый взгляд процессуальный статус лиц, в отношении которых возможно производство таких следственных действий, не ограничен, в то же время, при более подробном анализе статьи, спорным является утверждение о возможности производства данных следственных действий с подозреваемыми и обвиняемыми, как в силу отсутствия прямого указания об этом в самой статье, так и в силу особенностей уголовного преследования в целом. Например, первый допрос обвиняемого невозможен с использованием ВКС в принципе, поскольку следователю необходимо предъявить обвинение и вручить постановление о привлечении в качестве обвиняемого, после чего немедленно допросить обвиняемого (ст. ст. 172, 173 УПК РФ). Кроме того, подозреваемым/обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства, как правило, избирается мера пресечения, и в случае, если она не связана с заключением под стражу, то содержит ограничения по изменению места жительства и регистрации. И в таком случае нахождение подозреваемого/обвиняемого в другом регионе является маловероятным. В случае избрания подозреваемому/обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило, подозреваемый/обвиняемый находится в следственном изоляторе, который расположен в том же регионе, что и следственный орган, то есть направление поручений об организации такого следственного действия в следственные подразделения, находящиеся на территории другого районного подразделения может быть некорректной, а в орган дознания – региональное управление ФСИН, может быть неэффективным, в связи с невозможностью обеспечения производства таких следственных действий (недостаточность помещений, оборудованных системами ВКС, отсутствие или недостаточное количество сотрудников следственных изоляторов, которые вправе участвовать, как дознаватели в следственных действиях, и т.д.).

В то же время в соответствии со ст. 24 Директивы № 2014/41/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О европейском ордере на производство следственных действий по уголовным делам», при оказании правовой помощи разрешено производство допросов свидетелей, экспертов, подозреваемых и обвиняемых с использованием систем ВКС при нахождении данных лиц на территории государств – членов Европейского Союза. При этом само следственное действие производится лицом, осуществляющим расследование, либо следственное действие проводится под руководством данного лица государством – исполнителем. В свою очередь, компетентные органы государства, на чьей территории находится допрашиваемое лицо, организуют производство данного следственного действия – вызывают лицо для дачи показаний, разъясняют данному лицу его права и обязанности, устанавливают личность допрашиваемого. Протокол следственного действия составляется компетентными органами государства – исполнителя, который после составления направляется государству, проводящему расследование¹. Таким образом при оказании в данном случае правовой помощи по уголовным делам одновременно решается проблема и с ускорением производства данного следственного действия и с качеством его производства, поскольку его производит лицо, проводящее расследование. Необходимо отметить, что хотя Директива регулирует правоотношения, возникающие при оказании правовой помощи по уголовным делам, предусмотрено, что государства, ратифицировавшие ее, имеют соответствующие положения в национальном законодательстве.

Вместе с тем разрешение производства таких следственных действий с лицами, находящимися на территории других государств, не только при оказании правовой помощи, но и при обычном расследовании уголовного дела имело бы положительное влияние на производство расследования. Поскольку необходимая база для таких изменений в российском законодательстве имеется, одним из вариантов разрешения данной проблемы являлось бы внесение дополнительных изменений в ст. 189.1 УПК РФ о возможности организации производства следственных действий с использованием систем ВКС не только следова-

¹ О европейском ордере на производство следственных действий по уголовным делам : Директива № 2014/41/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32014L0041&rid=4> (дата обращения: 06.11.2022).

телями и дознавателями, но и сотрудниками российских консульств. В данном случае такое следственное действие должно быть произведено на территории российских консульских учреждений.

Что касается второго отличия, необходимо отметить, что, например, в уголовном судопроизводстве Великобритании широко распространено использование ВКС – так называемой «live link» - «прямой связи» или «прямого эфира», в том числе в ходе досудебного производства. А Законом о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года разрешено применение «прямой связи» для допроса задержанного, находящегося под стражей в полицейском участке, сотрудником полиции, который расследует преступление, но не находится в данном полицейском участке¹. При этом порядок этой процедуры регламентирован Кодексом практики о задержании, обращении с задержанными и допросе лиц сотрудниками полиции (Кодекс С) 2018 года и содержит предписания об ответственности за соблюдение правил протоколирования допросов и требований, предусматривающих аудио- и видеозапись допроса, и сотрудником, производящим расследование, и сотрудником, находящимся с задержанным². Российское законодательство в целом не содержит каких-либо препятствий для введения подобного положения и не исключало бы возможности допроса подозреваемого/обвиняемого лично исходя из тактических соображений.

В завершение данной работы необходимо отметить, что введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ статьи 189.1, разрешающей производство следственных действий с использованием ВКС на досудебных стадиях уголовного процесса, является большим прорывом в российском уголовном процессе и позволяет разрешить множество проблем, касающихся соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства. Как справедливо отмечено в ст. 6.1 УПК РФ, при определении критериев разумности сроков уголовного судопроизводства учитывается, в том числе эффективность действий правоохранительных органов при

¹ Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/section/39> (дата обращения: 06.11.2022).

² Кодекс практики о задержании, обращении с задержанными и допросе лиц сотрудниками полиции (Кодекс С) 2018 года. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/729842/p-ace-code-c-2018.pdf (дата обращения: 06.11.2022).

расследовании уголовного дела и осуществлении уголовного преследования, при этом сложности, связанные с организацией работы данных органов, не могут являться основанием для их превышения. В связи с этим сложности организационного характера, связанные с местонахождением допрашиваемого лица в другом государстве, длительное исполнение запросов о правовой помощи (а иногда и не исполнение некоторыми государствами), временные затраты на организацию следственного действия с подозреваемым/обвиняемым, которому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, не имеют какого-либо значения для оценки разумности сроков уголовного судопроизводства.

В связи с этим, по мнению автора настоящего исследования, существуют положения, которые возможно подчерпнуть из зарубежного опыта, и улучшить действующее законодательство в области использования систем ВКС на досудебных стадиях уголовного процесса. Как уже было упомянуто, такими положениями являются – возможность производства следственных действий с подозреваемыми и обвиняемыми (что требует, разумеется, внесения положений о порядке производства таких следственных действий) и возможность производства данных следственных действий с лицами, находящимися на территории другого государства, с привлечением сотрудников российских консульств.

Использование данного опыта зарубежных государств позволит не только сократить временные затраты на производство следственных действий в указанных случаях и облегчить их производство для правоприменителя, но и улучшить эффективность следственных действий с лицами, находящимися на территории другого государства, при содействии сотрудников консульств.

УДК 343.1

Н.В. ЗОЛОТУХИНА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Процессуальный порядок окончания предварительного следствия последовательно определён уголовно-процессуальным законодательством, и выполнение процессуально значимых действий неотделимо от решения «технических» задач, в совокупности направленных на обеспечение прав и законных интересов

участников уголовного судопроизводства. Каждый этап характеризуется своими задачами, субъектным составом, спецификой уголовно-процессуальных отношений и конкретными процессуальными документами, что в совокупности представляет систему, подробно регламентированную уголовно-процессуальным и ведомственным законодательством.

Этап окончания предварительного следствия определяется составлением обвинительного заключения, который кроме процессуального значения наделён ещё одной немаловажной задачей, часто именуемой «технической». Здесь следователь занимается систематизацией материалов уголовного дела (далее УД), уведомлением участников уголовного судопроизводства об окончании следственных действий и их ознакомлением со всеми материалами УД, составлением обвинительного заключения и направлением УД прокурору.

Для изучения процессуальной деятельности следователя при окончании предварительного следствия составлением обвинительного заключения предлагаем следующую систематизацию, обратив внимание на то, что последовательность некоторых этапов трудно проследить (например, очерёдность систематизации УД, составления обвинительного заключения и уведомления участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия и разъяснения прав на ознакомление с материалами УД не принципиальна), а последовательность ряда действий чётко определена в законе (например, очерёдность предоставления материалов дела участника уголовного судопроизводства предполагает ознакомление потерпевшего, гражданского истца и ответчика до обвиняемого и защитника).

1. На первом этапе окончания предварительного следствия в рассматриваемой форме следователь приходит к решению об окончании производства следственных действий в порядке ст. 215 УПК РФ.

2. Систематизация и оформление материалов УД (ст. 217 УПК РФ).

3. Уведомление обвиняемого об окончании производства следственных действий и разъяснение ему права на ознакомление с материалами УД (ст. 215 УПК РФ).

4. Уведомление защитника, законного представителя обвиняемого об окончании производства следственных действий и разъяснение им права на ознакомление с материалами УД (ст. 215 УПК РФ).

5. Уведомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей об окончании производства следственных действий и разъяснение им права на ознакомление с материалами УД (ст. 215 УПК РФ).

6. Предъявление для ознакомления потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и (или) их представителям материалов УД (ст. 216 УПК РФ).

7. Предъявление для ознакомления обвиняемому и его защитнику материалов УД (ст. 217 УПК РФ).

8. Разъяснение обвиняемому его права ходатайствовать о рассмотрении УД судом присяжных, коллегией из трёх федеральных судей, о применении особого порядка судебного разбирательства, о проведении предварительного слушания (ч. 5 ст. 217 УПК РФ).

9. Составление протокола ознакомления с материалами УД.

10. Разрешение следователем заявленных участниками ходатайств (ст. 219 УПК РФ).

11. Составление обвинительного заключения (ст. 220 УПК РФ).

12. Согласование обвинительного заключения с руководителем следственного органа (ст. 220 УПК РФ).

13. Направление УД с обвинительным заключением прокурору (ст. 220 УПК РФ).

В работе рассмотрим этап - предъявление для ознакомления обвиняемому и его защитнику материалов УД.

В результате интервьюирования практических работников стало известно, что один и тот же объём УД изучается обвиняемыми, находящимися под различными мерами пресечения в разный срок. Если в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то срок ознакомления с материалами УД увеличивается в разы по сравнению с тем, который необходим обвиняемому, находящемуся на свободе, для ознакомления с УД, аналогичным по объёму. Не будем анализировать причину происходящего (практическим работникам она очевидна), наша задача оценить необходимость составления графика ознакомления с материалами УД и его процессуальную значимость.

Например, в настоящий момент на этапе ознакомления с материалами УД в одном из военных-следственных органов находится дело, в котором за три года предварительного следствия было составлено 312 томов УД, которые в июне 2021 года

предъявлены 25 обвиняемым для ознакомления. Урегулировать процесс ознакомления с материалами УД и вещественными доказательствами (только опись которых представлена на 170 стр.) возможно только при точном соблюдении графика ознакомления, в соответствии с которым каждый обвиняемый за один рабочий день знакомится с содержимым материалов одного тома УД. При этом за один год и шесть месяцев ознакомления ни разу не вставал вопрос о намеренном затягивании сроков следствия.

С одной стороны, график необходим следователю для возможности планирования своей деятельности, возможности предоставления равного и очередного доступа к материалам УД нескольких обвиняемых по одному уголовному делу, с другой стороны, является гарантом обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства. График ознакомления с материалами УД был предусмотрен первоначальной редакцией УПК РФ – до принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ и используется правоприменителями до настоящего момента, но не смотря на это активно обсуждается учеными и практиками целесообразность и законность его применения. Адвокат коллегии адвокатов Республики Башкортостан А.В. Рагулин призывает: «Соблюдать график, составленный следователем, вовсе не обязательно. Поэтому, как представляется, адвокату-защитнику не следует подписывать соответствующие графики с целью ограничить сторону обвинения в ее возможности доказывания в ходе судебного заседания явного затягивания ознакомления с делом»¹.

Умышленное затягивание сроков ознакомления с материалами УД является одной из серьёзных проблем, возникающей на рассматриваемом этапе.

В соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ, незамедлительно следует принять меры к установлению определённого срока для ознакомления с материалами УД в случае, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами УД, явно затягивают время ознакомления с ними. В УПК РФ нет конкретного перечня действий, которые могут свидетельствовать об этом, так как эта категория является оценочной и не может содержать в себе чёткого алгоритма.

¹ Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела после завершения предварительного расследования: проблемные вопросы регламентации и практической реализации // Адвокат. — 2012. — № 4. С. 16—25.

Несколько наиболее распространённых случаев подобного противодействия:

- систематическое ознакомление с ограниченным количеством листов УД;
- ограниченное по времени ознакомление с материалами УД, прерываемое по инициативе обвиняемого и (или) его защитника;
- для обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, нерегулярная явка по неуважительным причинам для ознакомления с материалами УД, в случае его заблаговременного уведомления о месте и времени проведения такого ознакомления, а также систематические опоздания к назначенному времени;
- неоднократное повторное обращение к томам УД, для ознакомления с которыми ранее предоставлялось время;
- любой отказ обвиняемого и его защитника от ознакомления с предоставленными материалами дела, в том числе мотивированный несогласием с очередностью и графиком проводимого ознакомления¹.

С целью противодействия затягиванию процесса ознакомления с материалами УД в случае отказа воспользоваться предусмотренным ст. 217 УПК РФ правом на ознакомление со всеми материалами УД как лично, так и с помощью защитника, заявленного обвиняемым при составлении протокола в соответствии с частью 1 статьи 215 УПК РФ, в п. 4.22.4 инструкции по процессуальному контролю содержится рекомендация следователю о незамедлительном выполнении требований ст. 216 УПК РФ, независимо от волеизъявления стороны защиты и реального предъявления обвиняемому и его защитнику подшитых и пронумерованных материалов УД.

Перечисленные способы являются наиболее распространёнными и должны быть зафиксированы следователем в графике ознакомления, в котором отображается дата, время и количество материалов, с которыми участник уголовного судопроизводства ознакомлен.

¹ Лантух Н. В., Науменко Т. С. // Злоупотребление правом на ознакомление с материалами уголовного дела со стороны защиты на этапе окончания предварительного следствия / Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019 : сб. науч. тр. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 17–18 мая 2019 года.— Гатчина : Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий, 2019. — Т.1. — С. 358.

В случае явного затягивания обвиняемым и его защитником времени для ознакомления с материалами УД следователь должен вынести мотивированное ходатайство перед судом об установлении определённого срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами УД, и активно принять участие в суде при рассмотрении заявленного ходатайства в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ.

Если же обвиняемый и его защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами УД в установленный судом срок, то следователь должен сделать об этом отметку в протоколе и принять решение об окончании данного процессуального действия вынесением соответствующего постановления. При предъявлении материалов УД обвиняемому, следователь должен соблюдать меры предосторожности и не оставлять обвиняемого одного (или вдвоём с защитником). Судебной практике известно многообразие способов воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, которые чаще всего применяются обвиняемыми при ознакомлении с материалами УД как на этапе окончания предварительного следствия, так и в судебном заседании. Способы довольно многообразны:

- «схватил со стола материалы УД и разорвал листы дела»¹;
- «повредил письменные доказательства и иные материалы (рапорт об обнаружении признаков преступления, протокол явки с повинной, протоколы осмотра места происшествия, постановление о возбуждении УД и др.) путём демонстративного разрыва их на части»²;
- «незаметно для следователя путём разрыва нитей, которыми сшито уголовное дело, вырвал листы УД: протокол допроса подозреваемого, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, протокол допроса обвиняемого. Вырвав вышеуказанные материалы из УД, Шахов В.В. положил их к находящимся у него при себе копиям материалов УД, после чего, находясь в камере ИВС МО МВД России, уничтожил указанные документы путём выбрасывания их в туалет, находящийся в камере ИВС МО МВД России»³;

¹ Приговор № 1-264/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-264/2020 / Туймазинский районный суд (Республика Башкортостан). Здесь и далее ссылки на приговоры, опубликованные на сайте «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.07.2022).

² Приговор № 1-131/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-131/2020 / Увинский районный суд (Удмуртская Республика).

³ Приговор № 1-4/2020 1-85/2019 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-4/2020 / Родниковский районный суд (Ивановская область).

– «скомкал лист протокола, затем положил себе в рот, пережевал его, а получившуюся массу выбросил в окно»¹;

– «предпринял меры к механическому повреждению бумажных конвертов с электронными носителями информации в виде оптических дисков, вырезав их лезвием для канцелярского ножа резака-скальпеля, вставленного в стирательную резинку из материалов УД, изъят диск из данного УД и впоследствии уничтожил»²;

– «уничтожил третий лист протокола допроса подозреваемого Абдулвагапова Р.В. от ДАТА, на котором содержались его показания, данные в качестве подозреваемого, а именно разорвал его на мелкие части, поместил их в банку из-под кофе, служащую пепельницей, закрыл ее крышкой, после чего несколько раз встряхнул, тем самым перемешав части порванного листа с пеплом с целью невозможности его дальнейшего восстановления»³;

– «разорвал руками находившийся в томе № УД № на листе дела № бумажный конверт, в котором находился изъятый 16.07.2019 в ходе выемки у свидетеля Е. оптический диск DVD-R с видеозаписью с камеры видеорегистратора, в соответствии с постановлением от 16.07.2019 признанный и приобщённый к уголовному делу № в качестве вещественного доказательства, который Рахматуллаев С.Р., умышленно разломив на несколько частей, уничтожил»⁴.

Самый простой способ уничтожения процессуальных документов – разорвать их, но как видно из приведённых примеров, есть случаи вырезания и механического повреждения листов материалов УД лезвием канцелярского ножа резака-скальпеля, вставленного в стиральную резинку⁵, поджога отдельных документов дела⁶, поджога кабинета следователя с использованием

¹ Приговор № 1-1/2019 1-199/2018 от 10 января 2019 г. по делу № 1-1/2019 / Железнодорожный районный суд г. Ульяновска (Ульяновская область).

² Приговор № 1-61/2020 от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-61/2020 / Кроткинский городской суд (Краснодарский край).

³ Приговор № 1-116/2020 от 29 мая 2020 г. по делу № 1-116/2020 / Кыштымский городской суд (Челябинская область).

⁴ Приговор № 1-118/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 1-118/2020 / Октябрьский районный суд г. Иваново (Ивановская область).

⁵ Приговор № 1-61/2020 от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-61/2020 / Кроткинский городской суд (Краснодарский край).

⁶ Приговор № 1-79/2020 1-923/2019 от 28 января 2020 г. по делу № 1-79/2020 / Энгельсский районный суд (Саратовская область).

легковоспламеняющейся жидкости¹. Были случаи сжигания² и хищения всего дела целиком³. Иногда листы УД съедают⁴.

В некоторых случаях обвиняемые применяют насилие к следователю, пытавшемуся пресечь их незаконные действия. Например, в Хабаровском крае обвиняемый «выкручивал предплечье и запястья, сдавливал плечевой сустав, нанес два удара в область головы, а также нанес следователю локтями обеих рук два удара – один в область грудной клетки, а другой в область головы следователя, причинив физическую боль, а также телесные повреждения, а именно две ссадины левой верхней конечности: одну ссадину в области предплечья, одну ссадину в области указательного пальца; а также кровоподтек левого предплечья по разгибательной поверхности левого предплечья в нижней и средней трети»⁵.

Необходимо заметить, что действия, направленные на уничтожение процессуальных документов, обвиняемые осуществляют при раздельном ознакомлении с защитником, но уничтожению, как правило, подвергаются чётко определённые документы, содержащие основные доказательства по делу и не подлежащие восстановлению (протокол явки с повинной, протокол допроса подозреваемого, протокол осмотра места происшествия и т. д.). Прослеживается юридическая консультация по реализации права на защиту любым способом. Адвокат, который допускает подобные противоправные действия не может остаться безнаказанным и будет подвергнут дисциплинарному наказанию. Но на практике известны случаи и подобного поведения самих адвокатов, которые уничтожают процессуальные документы, например, один адвокат «вырвал из материалов дела документы, которые впоследствии съел»⁶. Дисциплинарная коллегия таких адвокатов лишает адвокатского статуса.

¹ Постановление № 1-253/2019 1-4/2020 от 25 февраля 2020 г. / Соломбальский районный суд г. Архангельска (Архангельская область).

² Приговор № 1-50/2019 от 18 июня 2019 г. по делу № 1-50/2019 / Ибресинский районный суд (Чувашская Республика).

³ Приговор № 1-86/2018 от 2 октября 2018 г. по делу № 1-86/2018 / Заринский городской суд (Алтайский край).

⁴ Приговор № 1-23/2020 1-519/2019 от 20 января 2020 г. по делу № 1-23/2020 / Клинский городской суд (Московская область)

⁵ Приговор № 1-439/2018 от 15 ноября 2018 г. по делу № 1-605/2017 / Октябрьский районный суд г. Улан-Удэ (Республика Бурятия).

⁶ Приговор № 1-47/2019 от 5 июля 2019 г. по делу № 1-47/2019 / Кировский районный суд г. Хабаровска (Хабаровский край).

Исходя из вышеизложенного можно порекомендовать следователю - не оставлять «один на один» обвиняемого с уголовным делом, проводить данное следственное действие с применением технических средств видеофиксации. Например, в военном следственном управлении по г. Москве - ознакомление с материалами УД в специально отведённом помещении, оборудованном профессиональным освещением, для удобства изготовления фотокопий. Следственное действие проводится под наблюдением сотрудников военной полиции, готовых в любой момент пресечь любые незаконные действия.

УДК 343.1

А.Б. ПРОХОРОВ

ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ОСНОВНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО

Право на доступ к правосудию представляет собой основное субъективное право в уголовном судопроизводстве.

Вышеуказанное право по своей сути неотделимо, как от основных правомочий дееспособного лица в уголовном процессе, так и от идеи субъекта (участника) уголовно-процессуальных отношений. Данный контекст важен и должен учитываться для целей оформления нормы-принципа права на доступ к правосудию в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В этой связи поясним содержание вышеуказанного права.

Несколько слов о генезисе права на доступ к правосудию

Право на правосудие – это (первоначально) право на иск – имеет свою собственную историю в правовой мысли многих государств.

Ранее, в период развития и активного заимствования римского права, основание иска (обоснование интереса спорить) сливалось в единое целое с возможностью защиты материального права. Соответственно, тот, кто судил, оценивал иск (требование) и право «в совокупности»¹.

¹ Филиппов П. М. Судебная защита и правосудие в СССР. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. — С. 67, 71—72.

Вместе с тем со временем процессуальная составляющая «отделилась» от материально-правового основания.

В дореволюционной России право на иск толковалось как право получения итогового судебного решения. Подобное толкование указанного права трансформировалось затем в теорию права на получение благоприятного решения¹.

В советское время теория права на правосудие (право на судебную защиту, право на иск) получила свое дальнейшее развитие в концепциях правоведов – специалистов по гражданскому праву и процессу:

Право на судебную защиту в отечественной (советской) правовой науке первоначально связано с развитием идей «цивилистов» в отношении права на иск и с именем конкретного ученого-правоведа. Это М.А. Гурвич, которому принадлежит идея рассмотрения права на иск в контексте права гражданина «пользоваться правосудием».

Вышеуказанная идея была впервые изложена им в фундаментальном труде «Право на иск»² (1949 год) и развита в последующих научных трудах.

Весомый вклад в развитие теории права на доступ к суду внесли такие правоведы, как М.А. Викинг, П.Ф. Елисейкин, Е.А. Крашенинников, Филиппов, Н.А. Чечина и др. Полемика данных правоведов (1970–1980 гг.) имеет большое значение и для нашего времени:

Так, П.М. Филиппов, на основе накопленных знаний, «распространил» идеи цивилистов на сферу уголовно-процессуальных отношений. Правовед считал, что право на судебную защиту является, «...правовым средством, с помощью которого можно добиться восстановления нарушенного права»³.

Как и Н.А. Чечина, П.М. Филиппов указывал на то, что вышеуказанное право есть одновременно и субъективное право человека, составляющее его конституционно-правовой статус, и, собственно, механизм защиты субъективного права⁴.

¹ Там же. С. 67.

² Гурвич М. А. Право на иск. — Москва : Из-во АН СССР, 1949. — С.46.

³ Филиппов П. М. Указ. соч. С. 65.

⁴ Филиппов П. М. Указ. соч. С. 65 ; Чечина Н.А. Судебная защита и конституционные принципы гражданского процессуального права // Проблемы соотношения материального и процессуального права : Труды ВЮЗИ / отв. ред. М. С. Шакарян. — Москва, 1980. — С. 38—50.

Проявлением права на доступ к суду правовед считал право на защиту в уголовном судопроизводстве.

Советская правовая мысль пресеклась на исследованиях П.М. Филиппова.

Современные интерпретации права на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве

Под влиянием советских правоведов право на доступ к правосудию воспринимается часто как право гражданина иметь гарантии доступа к правосудию, то есть, иметь возможность беспрепятственного обращения в судебные и иные правоохранительные органы в целях защиты иных прав. Отсюда – распространенное толкование права на доступ к правосудию как организационного и судоустройственного принципа:

Например, В.И. Анишина указывает на «принцип свободного доступа к правосудию», относит его к принципам судебной власти, выделяет аспекты не только правовые, но и организационного свойства. Правовед считает необходимым закрепить данный принцип в законодательстве о судебной власти и процессуальном законодательстве¹.

С.В. Баранов выделяет «принцип доступности суда»², который предполагает многочисленные элементы: в части компетенции судов, при обеспечении состязательности процесса и проч.

Значительное число интерпретаций связано с толкованием прецедентных решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Право на доступ к правосудию толкуется ЕСПЧ в основном как право обвиняемого быть судимым по предъявленному ему обвинению. Данный подход дополнен рядом значимых позиций: например, известна позиция ЕСПЧ относительно невозможности ограничения доступа к правосудию какими-либо сделками (Девеер против Бельгии, постановление от 27 февраля 1980 года по жалобе № 6903/75)³.

¹ Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации : курс лекций. — Москва : Эксмо, 2008. — С. 185.

² Баранов С. В. Доступность суда как условие реализации конституционно-го права на судебную защиту в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2011. — С. 13.

³ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — С. 295—296 и пр.

Другие правоведы (например, Л.А. Воскобитова, А.И. Петрушин) связывают развитие права на доступ к правосудию (право на судебную защиту) в уголовном судопроизводстве в целом с развитием конституционных гарантий прав человека:

Так, А.И. Петрушин сопоставляет право на доступ к правосудию для лица, пострадавшего от преступления, с конкретными полномочиями, призванными повысить правовую активность данного лица. Предложенные правоведом полномочия формируют «сильную» фигуру потерпевшего:

В частности, речь идет о праве довести собственную правовую позицию по уголовному делу до компетентных органов, праве на инициирование судопроизводства и праве на обжалование действий и решений правоохранительных органов¹.

Л.А. Воскобитова предлагает обеспечить равный доступ к судебной защите лицам, которые считают, что их права нарушены преступлением, а также неправомерными (необоснованными) действиями и решениями должностных лиц, необоснованным обвинением или осуждением².

Право на доступ к правосудию предложено подтвердить за основными участниками уголовного судопроизводства, а также за лицами, потерпевшими от злоупотребления властью и иными лицами.

Концепции указанных правоведов не продолжают, но в значительной степени соответствуют советской правовой мысли. Правоведами подтверждена необходимость расширения прав (возможностей) граждан в уголовном судопроизводстве в соответствии с нормами Основного закона.

Мы солидарны с поименованными авторами: право на доступ к правосудию должно быть предоставлено самому широкому кругу лиц.

При этом, полномочия таких лиц в сфере уголовно-процессуальных отношений должны быть конкретизированы в законе.

¹ Петрушин А. И. Обеспечение права пострадавшего на доступ к правосудию при осуществлении уголовного преследования в порядке частного обвинения : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. — Томск, 2013. — С. 8—9 и пр.

² Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Москва, 2004. — С. 34—35 и проч.

В значительной степени мнению вышеназванных правоведов коррелируют соответствующие правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), согласно которым право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве может быть истолковано как: гарантия реализации всех иных прав человека и правовых принципов в уголовном судопроизводстве; гарантия справедливого и беспристрастного суда. Право на доступ к правосудию связывается Конституционным Судом РФ с правомочием на обжалование судебных актов (Постановление от 5 февраля 2007 года № 2-П, пункт 2.2. и проч.).

На сегодняшний день право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве имеет два основных аспекта применения, в связи с правовыми позициями Конституционного Суда РФ:

Для обвиняемого – это право быть судимым по предъявленному обвинению с соблюдением всех процессуальных гарантий компетентным и беспристрастным судом. Для потерпевшего – это то право, которое направлено на реализацию закрепленных законов гарантий эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Соответствующие правовые позиции Конституционного Суда РФ содержатся в следующих его решениях: Постановление от 16 марта 1998 года № 9-П, пункт 4; Постановление от 10 декабря 1998 года № 27-П, пункт 2; Определение от 6 июля 2000 года № 191-О и проч.

Право человека на судебную защиту как конституционное право не может быть ограничено (Постановление от 13 ноября 1995 года № 13-П, пункт 3), что означает недопустимость вынесения каких-либо решений правоохранительных органов вне сферы судебного контроля.

Одновременно с этим, подсудность дел должна быть ясно установлена законом (Постановление от 16 марта 1998 года № 9-П, пункт 4).

Нормативная форма реализации права на судебную защиту устанавливается федеральным законодательством – это прерогатива государства в лице высших, федеральных органов власти (Постановление от 24 апреля 2003 года № 7-П, пункт 5; ст. 71 Конституции РФ).

Вышеуказанные интерпретации подводят к мысли о необходимости осмысления права на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве, соответственно, в «узком» и «широком» значениях:

В своем «узком» контексте право на доступ к правосудию есть эквивалент доступности суда для граждан: здесь имеют значение такие аспекты, как возможность обратиться к квалифицированной юридической помощи, финансовая доступность судебной процедуры и проч.

Доступность для граждан правосудия по уголовным делам – это то же, что и возможность пользоваться правосудием.

Установленная в УПК РФ процессуальная форма, её критерии «диктуют» нормативное выражение реализации вышеуказанной возможности для граждан. Данные критерии согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ должны отражать идею справедливости уголовного судопроизводства.

Право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в «широком» смысле – это уголовно-процессуальная правовая субъектность личности, то есть, возможность любого дееспособного лица иметь и реализовывать своими действиями основные правомочия по защите своего права и предполагаемого интереса в связи с производством по уголовному делу. Данный статус (основные, базовые правомочия) не должен меняться ни в зависимости от вида отношений, составляющих уголовно-процессуальные правовые отношения, ни от стадии процесса и проч.

Вместе с тем, если основной статус лица «накладывается» на статус участника уголовно-процессуальных отношений (главы 6-8 УПК РФ), то правомочия конкретного человека уточняются (или расширяются), но не могут быть умалены. Например, если интересы свидетеля затронуты в ходе уголовного процесса, то он равным образом с обвиняемым или потерпевшим должен иметь возможность вынести свой вопрос на суд (возможное ограничение в правах, потенциальная угроза или риск и проч.).

Предлагаемый нами перечень основных правомочий для любого лица имеет следующую структуру:

а) право на личное участие в процессе защиты своего законного интереса легальными способами и средствами (личное участие в следственных действиях, личное участие в судебном разбирательстве); праву на личное участие коррелирует обязанность являться по официальным вызовам (повесткам) правоохранительных органов;

б) право на получение квалифицированной юридической помощи, включая право иметь представителя (при этом, в законе должно быть ясно обозначено, что есть квалифицированная юридическая помощь);

в) право на обжалование действий (бездействия) и решений правоохранительных органов в суд и прокурору, право на обжалование приговора или решения по гражданскому иску (по нашему мнению, принцип права на доступ к правосудию поглощает принцип ст. 19 УПК РФ);

г) право на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, включая вопрос о возмещении ущерба от преступления или незаконных решений и действий (бездействия) органов власти (например, злоупотребления властью и проч.).

Правовые предпосылки реализации вышеприведенных правомочий – это нормы ст.ст. 46 (часть 1) и 52 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ.

В отсутствие единой процессуальной формулы правомочий указанные нормы имеют лишь декларативный характер, что необходимо исправить.

Отметим, что юридические факты – основания для начала реализации соответствующих правомочий могут быть самыми различными, это:

- действия суда и иных правоохранительных органов, как законные (вынесение различных постановлений, процессуальные действия и проч.), так и незаконные: злоупотребление властью; дисциплинарный проступок, сопряженный с нарушением норм закона (дисциплинарной практики);

- любые ограничения прав и законных интересов человека, в связи с уголовным процессом;

- действия участников уголовного процесса и их представителей и проч.

Не отрицая взгляд на структуру субъекта уголовно-процессуальных отношений (уголовно-процессуальная правовая субъектность) как совокупность процессуальных право– и дееспособности, мы полагаем, что:

Уголовно-процессуальная правоспособность в уголовном процессе не существует вне процессуальных правомочий, она сливается в единое целое с **уголовно-процессуальной правосубъектностью**. Иными словами, в выделении уголовно-процессуальной правоспособности нет смысла.

Очевидно, что недееспособные лица не могут сами реализовывать свои правомочия, поэтому **уголовно-процессуальная дееспособность** должна быть ясно определена в УПК РФ по сходной модели с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 37).

Существующее правовое регулирование предполагает наличие уголовно-процессуальной дееспособности за субъектом (участником) уголовного процесса (пока не установлено иное), на что указал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 20 ноября 2007 года № 13-П (пункт 3.1 и проч.).

Право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве – это проявление уголовно-процессуальной правосубъектности или возможность лица реализовать законными средствами конституционно-правовой статус сообразно своим законным целям в уголовном процессе.

Укажем на проблематику, препятствующую в определенной степени развитию вышеприведенного мнения о праве на доступ к правосудию в уголовном процессе:

Во-первых, идея о единой «формуле» правомочий для лиц, чьи интересы затронуты уголовным процессом, широко не дискутируется. Вопрос о содержании статуса лица в уголовном процессе вытеснен дискуссией о «широком» и «узком» подходе к определению субъекта (участника) уголовно-процессуальных отношений. В «узком» смысле к субъектам относят только участников уголовного процесса, то есть, тех лиц, на которых прямо указывает закон как на таковых; в «широком» значении к субъектам (участникам) указанных отношений относят всех иных лиц, к правам (обязанностям) которых отсылают нормы закона.

Например, В.П. Божьев (сторонник «широкого» подхода) под участниками уголовно-процессуальных правовых отношений понимал «лиц, которые, обладая процессуальными правами и соблюдая обязанности, вступают в уголовно-процессуальные отношения»¹.

Во-вторых, под влиянием практики ЕСПЧ право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве интерпретируется часто лишь в качестве абстрактной гарантии справедливости. Идеи справедливости составляют суть уголовного процесса, но они не должны оттенять самостоятельное значение права на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве.

Вероятно, потребуется и пересмотр отдельных правовых позиций Конституционного Суда РФ. Во всяком случае, тех из них, которые однозначным образом обуславливали право на доступ к

¹ Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. — Москва : Юрид. лит.-ра, 1975. — С. 170.

правосудию в отечественном праве динамикой развития соответствующих прецедентных решений ЕСПЧ (см.: например, Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года № 2-П и проч.).

Очевидно, что право на доступ к правосудию является основным субъективным правом в уголовном судопроизводстве, поскольку опосредует признание за конкретным лицом роль и значение субъекта в уголовно-процессуальных отношениях. Данное право позиционирует лицо по отношению к иным участникам (субъектам) уголовно-процессуальных отношений.

Право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве – это правовое средство реализации человеком своих конституционных прав (статуса) в уголовном процессе, а также – ряд конкретных правомочий, которые должны быть определены непосредственно в тексте УПК для любого дееспособного гражданина и предполагаться за таким лицом вне зависимости от усмотрения органов власти. То есть, вышеуказанному праву корреспондирует обязанность государства предоставить своим гражданам равные возможности доступа к правосудию по уголовным делам. Иными словами, это обязанность четко определить в общем виде правомочия субъекта уголовно-процессуальных отношений и соблюдать их (признание ценности на уровне принципа уголовного процесса; развитие данной идеи в нормативном виде в УПК РФ).

УДК 343.1

А.В. ОСИПОВ

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОБЫСКОМ (ВЫЕМКОЙ) В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА

Действующей редакцией ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ исключена возможность производства обыска, выемки в отношении адвоката, на основании постановления следователя в случаях, не терпящих отлагательства, с последующей судебной проверкой законности и обоснованности принятого решения. Законодатель допускает обыск адвоката только по предварительно полученному судебному решению.

Ряд исследователей связывает это с законодательным оформлением правовой позиции Конституционного Суда РФ¹. Но высший орган конституционного правосудия в постановлении № 33-П от 17.12.2015² (далее – Постановление КС РФ от 17.12.2015) высказывался о допустимости только предварительного судебного разрешения в контексте обыска (выемки), посягающих на адвокатскую тайну, вопросы судебного контроля при обыске (выемке), не связанном с адвокатской тайной, в Постановлении КС РФ от 17.12.2015 не обговаривались.

«Обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения»³, говорится в Постановлении КС РФ от 17.12.2015.

Это свидетельствует о том, что законодатель, устанавливая дополнительные гарантии адвокату при производстве обыска, вышел за пределы, установленные Конституционным Судом РФ.

Производство обыска в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, является эффективным средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Бедняков И.Л. пишет: «...игнорирование следователями неотложного (экстренного) характера обыска непосредственно влияет на его результативность, которая была тем выше, чем скорее после принятия соответствующего решения он производился»⁴.

При текущей формулировке ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ вероятность достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) заметно снижается. Становится невозможным, к примеру, своевременно произвести обыск в адвокатском кабинете с целью обнаружения укрывшегося в нем преступника.

¹ Иванов В. Б. Обыск в отношении адвоката. Практика и рекомендации // Уголовный процесс. — 2019. — № 7. — URL: <https://e.ugpr.ru/737466> (дата обращения: 07.05.2022).

² По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2016. — № 2. — С. 10—15.

³ Там же.

⁴ Бедняков И. Л. Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения. — Москва : Юрлитинформ, 2010. — С. 100.

Судебной практике известны случаи, когда действующее законодательство не позволяло признать законным обыск в жилище адвоката при нетерпящих отлагательства обстоятельствах, в отсутствие воздействия на адвокатскую тайну. Так, при расследовании уголовного дела по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, возникла необходимость изъятия записи внешних камер видеонаблюдения, на которых предположительно зафиксировано лицо, совершившее преступление. В связи с тем, что камеры находились на жилом доме, примыкающем к парку в котором совершено покушение на убийство, а с течением времени запись могла быть уничтожена, следователем произведен обыск жилища на основании постановления о производстве обыска в исключительном случае, не терпящем отлагательства. Участвующая при обыске Б. довела до следователя информацию о том, что она является адвокатом и занимается адвокатской деятельностью в обыскиваемом помещении. Судами первой и апелляционной инстанций¹ решение следователя признано законным и обоснованным, но президиумом Иркутского областного суда² после удовлетворения кассационных жалоб, постановление суда апелляционной инстанции отменено. По итогам повторного рассмотрения судебной коллегией обыск в жилище, произведенный в случае, не терпящем отлагательств признан незаконным. Судом среди прочего указано, что «в нарушении положений ст. 450.1 УПК РФ обыск следователем был фактически произведен в помещении адвокатского кабинета без судебного разрешения на производство обыска и в отсутствие члена совета адвокатской палаты Иркутской области»³.

Считаем излишним распространение необходимости получения предварительного судебного решения для производства обыска (выемки) на случаи не связанные с посягательством на адвокатскую тайну, способствующим необоснованному предоставлению привилегий. Предлагаем, в соответствии с правовыми позициями

¹ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 04.10.2018 22К-2883/2018 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 08.05.2022).

² Постановление Президиума Иркутского областного суда от 28.01.2019 № 44у-11/2019 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 08.05.2022).

³ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 27.02.2019 № 22-478/2019 // ГАС РФ «Правосудие» : интернет-портал. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 08.05.2022).

Конституционного Суда РФ, оставить обязательный предварительный судебный контроль только для обыска (выемки) предметом которого выступают документы, содержащие адвокатскую тайну, а производство обыска (выемки) в отношении адвоката, не связанного с доступом к таковой, в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, допустить на основании постановления следователя с его последующей судебной проверкой.

Производство обыска (выемки) орудий и предметов преступления, в связи с нераспространением на них режима адвокатской тайны (п. 3 ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») в соответствии с пунктом 3.1 описательно-мотивировочной части Постановления КС РФ от 17.12.2015, следует также допустить в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

В ряде случаев суды, при оценке законности произведенного в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ обыска в отношении адвоката, выясняют затрагивалась ли при этом адвокатская тайна. Например, судом апелляционной инстанции признан законным обыск жилища адвоката, произведенный в связи с наличием исключительного случая, не терпящего отлагательства, так как обыскиваемое жилище не использовалось для осуществления адвокатской деятельности, а данные о наличии в изъятых документах сведений, составляющих адвокатскую тайну, суду не предоставлены, «обыскиваемый о наличии конкретных документов (предметов) также не сообщил»¹.

Обобщая изложенное, следует констатировать необходимость внесения изменений в ст. 450.1 УПК РФ, в части судебного контроля за производством обыска в отношении адвоката. С целью приведения законодательства в соответствие с правовой позицией Конституционного Суда РФ и исключения необоснованных привилегий предлагаем производство обыска (выемки) в отношении защищенных адвокатской тайной предметов, допустить только на основании судебного решения, а при отсутствии угрозы нарушения адвокатской тайны разрешить производство названных следственных действий на общих основаниях, в соответствии со статьями 29, 165, 182-183 УПК РФ.

¹ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 23.12.2021 № 22к-6680/2021 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 08.05.2022).

УДК 343.1

А.В. КАРНЮХИНА

научный руководитель
доцент **Ю.Н. МАТОРИНА**

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Документы как доказательства широко используются при расследовании и разрешении уголовных дел в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства к их форме и содержанию. Наиболее часто используются и преобладают на практике письменные документы-доказательства. Однако научно-технический прогресс внедрил в уголовное судопроизводство новый вид доказательств – электронные документы, а в оперативно-розыскную деятельность – информацию на электронных носителях. «Появление электронной формы фиксации, передачи и использования информации диктует потребность в разработке новых методов обнаружения, исследования и оценки доказательств при совершении противоправных деяний, в первую очередь связанных с использованием средств компьютерной техники», - так оценивает данную ситуацию профессор О.А. Зайцев¹.

Прежде всего, необходимо определиться с термином «электронное доказательство», который образовался от производного термина «электронный документ».

Согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с ис-

¹ Зайцев О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 4. — С. 44.

пользованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах¹.

Рассмотрим основные требования к уголовно-процессуальной форме электронных документов-доказательств:

1. Электронные документы, представляющие собой результаты оперативно-розыскной деятельности, должны отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам, согласно ст.89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

2. Электронные документы необходимо перенести на электронный носитель, тем самым придать им материальную форму, при этом случаи допустимого изъятия готовых или созданных электронных носителей ограничены прямым предписанием закона (ч.1 ст.164.1 УПК РФ).

3. Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участие специалиста, поскольку их изъятие может требовать профессиональных знаний в области информатики.

4. При производстве неотложных и иных следственных действий, предполагающих изъятие электронных носителей информации, должны соблюдаться особые правила, имеющие целью обеспечение и защиту прав законного обладателя этой информации и исключение возможности ее утраты или изменения (ч.4 ст.81.1 УПК РФ, ч.2.1 ст.82 УПК РФ).

5. Термин «электронные документы» в уголовном судопроизводстве имеет различное значение: ходатайство, заявление, жалоба, представление, поданные в суд в порядке, установленном ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ; электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством РФ (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ); судебное решение или копия судебного решения, изготовленные в форме электронного документа (ч. 1, 2 ст. 474 УПК РФ), т.е. электронные документы (электронные образцы документов), удостоверенные электронной подписью; электронные документы как доказательства - иные доку-

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : текст с изм. и доп. на 30 дек. 2021 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КорнсультантПлюс».

менты (ч. 1 - 3 ст. 84 УПК РФ); электронные документы - вещественные доказательства (ч. 1, 2 ст. 81, ч. 4 ст. 84 УПК РФ)¹.

П.С. Пастухов выделил основные направления использования электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: 1) получение электронных носителей информации с зафиксированной на них доказательственной информацией; 2) сканирование процессуальных бумажных документов в электронный формат; 3) производство следственных и судебных действий удаленным способом (видеосвязь, конференция); 4) электронный способ фиксации доказательственной информации при проведении следственных действий; 5) получение доказательственной информации в электронном виде через запросы².

Необходимо обратить внимание к такому виду доказательств, как «иные документы». Выделение иных документов в качестве самостоятельного вида доказательств и сам термин "иные" по отношению к документам увязывается с тем, что в отличие от других документов-доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, иные документы "подготавливаются субъектами, не являющимися участниками уголовного судопроизводства" и, таким образом, "изготавливаются вне рамок производства по уголовному делу и поступают в дело извне". К иным документам относятся разного рода справки, характеристики, акты ревизий, инвентаризаций и документальных проверок, договоры, доверенности, расписки, завещания и иное³. Шагая в ногу с техническим прогрессом, законодатель в ст. 74 УПК РФ определяет, что документы в уголовном процессе могут содержать сведения, зафиксированные не только в письменном виде, но и в ином. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ⁴.

¹ Гришина Е. П. К вопросу об использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. // Администратор суда. — 2020. — № 3. — С. 2.

² Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 1. — С. 696.

³ Бурганова Г. В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 357.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 июня 2022 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, ст. 84 УПК РФ учитывает достижения технического прогресса и появление новых видов документов. Тем не менее, формулировка данной статьи оспаривается учеными-юристами в части отсутствия определения понятия «иные документы». Исследователи отмечают некорректность употребления самого термина «иные документы», предлагая использовать другой термин, например «доказательства по свободному усмотрению».

Также, по мнению профессора М.И. Воронина, отнесение электронных доказательств к иным документам нельзя признать обоснованным. Поскольку к ст. 84 УПК РФ относится все, что не может быть отнесено к другим видам доказательств. Такой подход законодателя не основан на познавательных особенностях той или иной информации. Например, фото- и киноизображения, являясь производными вещественными доказательствами, содержат и элементы условности, и элементы копирования, вследствие чего довольно затруднительно отнести их к какому-то виду доказательств. Также данный вид доказательств не учитывает как специфику самих электронных доказательств, так и особенности их собирания, проверки и оценки. Приобщение документа к делу не требует вынесения специального письменного решения об этом, как это имеет место в отношении вещественных доказательств. Применительно к электронным доказательствам такое положение считаем недопустимым¹.

Учитывая изложенное, необходимо внести изменения и дополнения в нормы уголовно-процессуального законодательства, а именно:

1. Чтобы обеспечить защиту прав обладателей информации при производстве следственных действий, предполагающих изъятие электронных носителей информации, следует усилить за счет указания в ч.1 ст. 170 УПК РФ в качестве случая производства следственного действия с обязательным участием понятых также на ст. 164.1 УПК РФ, поскольку данное участие исключает (минимизирует) риск уничтожения или искажения информации, а также злоупотребления правом должностным лицом, производящим следственное действие.

2. Необходимо внести в УПК РФ термин «электронное доказательство», чтобы избежать проблем в использовании электронных документов в доказывании. Подобное возможно по-

¹ Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть // Русский закон. 2019. № 7. С. 78.

средством дополнения ч.1.1 ст. 74 УПК РФ: «Электронными доказательствами по уголовному делу признаются закрепленные в электронной или цифровой форме сведения, при помощи которых в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства уголовного дела устанавливаются обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ».

3. Следует дать обоснованное понятие термину «иные документы», указанному в ст.84 УПК РФ, тем самым выяснить можно ли отнести электронные доказательства к «иным документам».

УДК 343.1

Е.А. ПРИЩЕНКО

научный руководитель
доцент **Ю.Н. МАТОРИНА**

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Анализируя статистические данные, стоит отметить положительную тенденцию снижения роста преступности среди несовершеннолетних. Так, по словам Председателя Следственного Комитета РФ А. И. Бастрыкина: «Начиная с 2013 года наблюдался спад числа уголовных дел о преступлениях, совершённых несовершеннолетними, однако в 2020 году, когда мы расследовали 8804 уголовных дела, отметился небольшой рост по сравнению с 2019 годом»¹.

За 2021 г. количество уголовно наказуемых деяний с участием несовершеннолетних сократилось на 15,6%².

Однако рано судить об искоренении данного вида преступности. Безнадзорность, беспризорность, отсутствие ценностных ориентаций и попустительство со стороны взрослых являются

¹ Интервью Председателя СК РФ о числе совершенных несовершеннолетними преступлений // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1643575/?print=1> (дата обращения: 10.08.2022).

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь—декабрь 2021 года // МВД РФ : офиц. сайт. URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/Sb_21_12%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/Sb_21_12%20(1).pdf) (дата обращения: 10.08.2022).

предпосылкой для преступного поведения подростков. При расследовании преступлений несовершеннолетних основополагающим следственным действием является допрос.

Допрос — это процессуальное (следственное или судебное) действие, заключающееся в получении показаний (информации) о событии, ставшем предметом уголовного судопроизводства, лицах, проходящих по делу, причинах и условиях, способствовавших совершению и сокрытию преступления¹. Если же говорить о допросе несовершеннолетнего, то он считается более психологизированным среди абсолютно всех следственных действий.

Основная цель допроса заключается в получении от несовершеннолетнего лица сведений об обстоятельствах, которые расследуются в уголовном деле. В связи с тем, что в качестве допрашиваемого выступает несовершеннолетнее лицо, получение сведений в ходе допроса усложняется. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) зафиксированы конкретные правила производства допроса лиц, не достигших совершеннолетия.

Отмечают следующие виды допроса несовершеннолетнего:

- допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля на стадии предварительного расследования (ст. 191 УПК РФ);
- допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в суде (ст. 280 УПК РФ);
- допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 425 УПК РФ).

Согласно ст. 424 УПК РФ вызов несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не находящегося под стражей, к следователю, дознавателю или в суд производится через его законных представителей², а если несовершеннолетний содержится в специализированном учреждении для несовершеннолетних — через администрацию этого учреждения. Особенностью является то, что повестка на допрос вручается не самому несовершеннолетнему лицу, а через его законных представителей. Тем

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия : справочное пособие. — Москва : Бек, 1997. — 342 с.

² В соответствии с ч. 12 ст. 5 УПК РФ законные представители — это родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства.

не менее за уклонение от явки процессуальную ответственность в виде принудительного привода несёт сам подозреваемый или обвиняемый.

Процессуальные требования к допросу несовершеннолетнего аналогичны общему порядку, однако имеют и свои особенности.

Во-первых, при проведении допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, не достигшего 16 лет, участие педагога либо психолога обязательно. Также обязательно участие педагога, психолога в допросе потерпевшего либо свидетеля, достигшего 16 лет, если он страдает психическими расстройствами. Однако неразрешённым осталось то, что законодательно не регламентированы требования, предъявляемые к педагогу или психологу. В п. 62 ст. 5 УПК РФ имеется только определение педагога. Также неочевидно, в какой из ситуаций следователю или дознавателю нужно привлекать психолога, а в какой - педагога. В науке также нет единой точки зрения по данному аспекту.

Так, Э. Б. Мельникова полагает, что более полезным будут специальные знания психолога, нежели педагога. Поскольку, присутствие психолога поможет правильно сформулировать вопросы, тем самым обеспечив полноту допроса¹. И напротив, И. А. Макаренко в своём диссертационном исследовании обосновывает необходимость привлечения педагога, но только в случаях совершения преступления несовершеннолетним с особым цинизмом².

Во-вторых, введена непрерывная продолжительность и максимальное время на проведение допроса по возрастным категориям несовершеннолетних. Так:

- в возрасте до 7 лет допрос не может продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности - более 1-ого часа;
- в возрасте от 7 до 14 лет не может продолжаться более 1-ого часа, а в общей сложности - более 2-х часов;
- в возрасте старше 14 лет не может продолжаться более 2-х часов, а в общей сложности - более 4-х часов в день.

¹ Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие для образоват. учреждений М-ва юстиции Рос. Федерации. — 2. изд., испр., доп. — Москва : Дело, 2001. — (Российское право: теория и практика / Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации). — С. 96.

² Макаренко И. А. Система тактических приемов допросов несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого : дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 1998. — С. 108—109.

В-третьих, потерпевшие и свидетели не достигшие 16 лет, не предупреждаются следователем об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Им разъясняются только право говорить правду. Несовершеннолетним свидетелю и потерпевшему также разъясняется право отказа от дачи показаний, уличающих в совершении преступления их самих или близких родственников.

В-четвёртых, при допросе проводится видеофиксация, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает.

Между тем, существуют проблемы при использовании видеозаписи в ходе следственного действия, которые заключаются в том, что дети обычно поверхностно воспринимают произошедшее, порой не способны здраво оценить поступки людей и первоначально в допросе не в состоянии правдиво и подробно рассказать обо всех обстоятельствах совершенного в отношении них посягательства¹.

Также несовершеннолетние при включении видеокамеры входят в психологическое состояние, при котором не могут вымолвить ни слова либо смущаются, забывают обстоятельства произошедшего и дают неполные пояснения.

Видеозапись ставит следователя в жёсткие рамки, заставляет его продумывать каждое своё слово. Если у следователя нет достаточного опыта работы, он может начать концентрироваться на видеозаписи или киносъёмке и забыть выяснить у допрашиваемого несовершеннолетнего все необходимые обстоятельства совершённого преступления, что может привести к проведению дополнительных допросов. Предварительная подготовка несовершеннолетних потерпевших, свидетелей, подозреваемых к предстоящему допросу с видеозаписью далеко не всегда даёт положительный результат, и в ходе допроса зачастую возникают проблемы, которые могут привести к признанию доказательства недопустимым.

Так, В 2017 году по уголовному делу по обвинению несовершеннолетнего З. в совершении 6 эпизодов насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней К. дал исчерпывающие признательные показания. Перед его допросом в качестве обвиняемого последний высказал согласие на приме-

¹ Методические рекомендации по расследованию уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних : сб. учеб.-метод. пособий и рекомендаций / Акад. Следственного комитета Российской Федерации. — Москва : АСК РФ, 2014. — 186 с.

нение видеозаписи в ходе допроса. Однако, после включения видеокамеры, разъяснения ему прав и предложения в ходе свободного рассказа пояснить об обстоятельствах совершенного им преступления несовершеннолетний замкнулся и не мог вымолвить ни слова. Следователь был вынужден ограничиться лишь вопросами о том, подтверждает ли обвиняемый ранее данные показания и признает ли он свою вину, после чего следственное действие было окончено.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что допросу несовершеннолетнего должна предшествовать тщательная подготовка. Она включает собирание достаточно полной информации о психических и физических качествах несовершеннолетнего, об условиях его жизни, быта и воспитания. Во главу угла при подготовке также следует поставить изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.

Для большей эффективности выявления обстоятельств преступления также необходимо привлечение высококвалифицированных педагогов и психологов для общения с несовершеннолетними. Именно такие специалисты могут расположить к себе подростка, не усугубляя его психического состояния.

Итак, допрос несовершеннолетнего включает в себя процессуальный, психологический, педагогический, этнический аспекты. Это сложная и многогранная деятельность следователя, включающая в себя различные компоненты.

УДК 343.1

А.Ю. АРХИПОВА

научный руководитель
Д. А. СЫЧЕВ

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
ЗА ЗАКОННОСТЬЮ РЕШЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ
В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Назначение уголовного судопроизводства, как это закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), заключается в защите прав и законных интересов лиц

и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Для действенной реализации назначения уголовного процесса необходимо обеспечение законности на всех его стадиях, а на стадии возбуждения уголовного дела в особенности, поскольку от решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела зависит дальнейший ход уголовного судопроизводства.

В этой связи особенно важно осуществление прокурором надзора за законностью принимаемых органами расследования решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Как показывает практика прокурорского надзора, несмотря на определение в ч. 6 ст. 148 УПК РФ полномочия прокурора отменить незаконное или необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое органом расследования, положения закона в этой части нуждаются в изменении и дополнении.

Первостепенное внимание обращает на себя тот факт, что качественный надзор прокурора за законностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела невозможен путем изучения одного лишь постановления. Для анализа и оценки законности и обоснованности принятого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору необходимо изучить материалы проведенной процессуальной проверки. Порядок предоставления прокурору материалов проверки сообщения о преступлении, на основании которых принято соответствующее решение, в УПК РФ отсутствует. Вместе с тем, законодатель связывает срок на отмену прокурором незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела именно с моментом получения материалов проверки сообщения о преступлении. Процедура предоставления материалов проверки определена совместным межведомственным приказом, который уточняет, что материалы процессуальной проверки направляются прокурору по его запросу в срок, не превышающий 5 суток с момента его поступления¹. На наш взгляд,

¹ Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях : Приказ Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26 марта 2014 г. : текст с изм. и доп. на 22 окт. 2020 г. П. 2.4. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

установленный порядок не способствует своевременной отмене прокурором решения об отказе в возбуждении уголовного дела, ведь прокурорской практике известны случаи непредоставления прокурору материалов проверки в установленный пятисуточный срок. Несмотря на то, что правовое регулирование имеется на межведомственном уровне, правильнее было бы определить процедуру предоставления прокурору материалов процессуальной проверки на уровне федерального законодательства. Представляется, что закрепление в законе положения о направлении органом расследования прокурору вместе с копией постановления об отказе в возбуждении уголовного дела материалов процессуальной проверки будет способствовать, во-первых, защите прав лиц и организаций, пострадавших от преступлений, во-вторых, своевременной отмене незаконных и необоснованных решений органов расследования, в-третьих, повышению эффективности прокурорского надзора.

Неясностью правового регулирования также является отсутствие в УПК РФ срока, в течение которого прокурор вправе отменить постановление органа дознания или дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, признав его незаконным или необоснованным. Указанный пробел законодательства восполняется совместным межведомственным приказом, который определяет пятисуточный срок на отмену принятого решения¹. Напомним, что в отношении постановления руководителя следственного органа и следователя срок определен УПК РФ и составляет пять суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении. Как справедливо отмечает Петров А.В., «не ясно, чем руководствовался законодатель, устанавливая для прокурора различные сроки для отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, учитывая, что дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа являются субъектами предварительного расследования»². На наш взгляд, ч. 6 ст. 148 УПК РФ нужно в этой части дополнить и закрепить одинаковый срок для отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное как следственным органом, так и органом дознания.

¹ Там же. П. 3.3.

² Петров А. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. — 2011. — № 11 (925). — С. 33.

Кроме того, в научной среде ведутся дискуссии относительно того, являются ли доводы прокурора о конкретных обстоятельствах, подлежащих дополнительной проверке, изложенные в постановлении об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обязательными для следователя. Различия в толковании закона являются следствием использования законодателем неодинаковых формулировок: по отношению к дознанию – «указания», а к следствию – «изложение конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке» (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Так, Абдул-Кадыров Ш.М. полагает, что они не являются обязательными для следователя¹. Коломеец Е.В., напротив, указывает, что доводы прокурора о незаконности (необоснованности) принятого решения не должны расцениваться следователем как необязательные². Мы согласны с последней точкой зрения, поскольку, если учитывать положения Закона о прокуратуре, то требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению³. Шадрин В.С. на этот счёт справедливо подчеркивает, что норма ч. 6 ст. 148 УПК РФ регулирует одинаковые по своей сути правоотношения, «принципиального различия в смысловом значении этих формулировок нет»⁴. Для устранения различий в толковании закона и неясности для правоприменителя, на наш взгляд, необходимо уравнивать в обязанностях органы дознания и следствия. В частности, определить в законе полномочие прокурора давать следователю указания, обязательные для исполнения.

Не менее важным является вопрос о сроке проведения дополнительной проверки в случае отмены прокурором решения органа расследования об отказе в возбуждении уголовного дела. В УПК РФ законодатель определил лишь то, что, отменив соответствующее постановление органа дознания или дознавателя, прокурор сам определяет срок исполнения указаний. В отноше-

¹ Абдул-Кадыров Ш. М. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. — 2012. — № 9 (935). — С. 13.

² Коломеец Е. В. Обеспечение законности решений об отказе в возбуждении уголовного дела средствами прокурорского реагирования // Вестник Омской юридической академии. — 2018. — Т. 15, № 3. — С. 317.

³ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 11 июнь 2022 г. Ст. 6 п. 1. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Шадрин В. С. Надзор военного прокурора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Право в Вооруженных Силах—Военно-правовое обозрение. — 2015. — № 7 (217). — С. 93—98.

нии следственных органов законодатель никакой определенности относительно сроков не даёт. Неоднократно упомянутый совместный межведомственный приказ предписывает руководителям следственных органов при отмене прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела поручать проведение дополнительной проверки с момента поступления проверочных материалов, не допуская нарушения разумного срока¹. Коломеец Е.В. видит решение данной проблемы в самостоятельном установлении прокурором срока проведения дополнительной проверки как для органа дознания, так и для органа следствия. Причем предельный срок должен быть ограничен сроками, указанными в ч. 3 ст. 144 УПК РФ². Мы согласны с данной точкой зрения. Отметим, что в практической деятельности прокуроры сами устанавливают срок проведения дополнительной проверки. Однако возникает другой вопрос относительно того, какой срок должен быть установлен, если предельный срок, установленный ч. 3 ст. 144 УПК РФ, истек? По нашему мнению, для такого случая в законе необходимо предусмотреть возможность продления прокурором срока свыше 30 суток. В противном случае велик риск возникновения ситуации, при которой орган расследования вынужден принимать незаконные или необоснованные процессуальные решения.

Последний вопрос, на который хочется обратить внимание, имеет непосредственное отношение к другой функции прокурора — уголовному преследованию. Её эффективная реализация зависит, в том числе от полномочий, предоставленных прокурору в рамках осуществления им надзорной деятельности. В частности, отмена прокурором незаконного или необоснованного постановления органа расследования об отказе в возбуждении уголовного дела совсем не является гарантом того, что по сообщению о преступлении вновь не будет принято аналогичное решение. Неоднократных отмен незаконных или необоснованных

¹ Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях : Приказ Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26 марта 2014 г. : текст с изм. и доп. на 22 окт. 2020 г. П. 2.5. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Коломеец Е. В. Указ. соч. С. 317.

постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и использование полномочия, предоставленного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурору недостаточно для вынесения законного решения о возбуждении уголовного дела. На необходимость предоставить прокурору право возбуждать уголовное дело по результатам отмены незаконного или необоснованного решения об отказе в возбуждении уголовного дела неоднократно указывали многие учёные, например, Зайцев С.П., Ережипалиев Д.И., Щерба С.П., Шадрин В.С.¹ [4, с. 93-98]. Кроме того, Сычёв Д.А. полагает, что прокурор должен быть субъектом проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ². Считаем правильным поддержать данную точку зрения. Реализация прокурором в рамках проведения «общенадзорной» проверки таких полномочий, как требовать предоставления необходимых документов и материалов организаций и лиц, статистических и иных сведений, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов; проводить ревизию деятельности подконтрольных или подведомственных организаций, по своей сути есть процессуальная деятельность, осуществляемая субъектами проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Более того, в практической деятельности прокуроры, осуществляя процессуальную деятельность по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (актом, постановлением), нередко осуществляют телефонные звонки допрошенным свидетелям или понятым с целью подтверждения их участия в тех или иных следственных действиях, вызывают и опрашивают проводивших расследование лиц с целью удостоверения в законности и логике принятия тех или иных процессуальных решений. Такие действия процессуально однокачественны проверочным действиям, осуществляемым в рамках стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи представляется необходимым закрепить в УПК РФ положение о том, что в случае признания постановления органа расследования об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор вправе самостоятельно отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и возбудить уголовное дело или отменить постановление об

¹ См., напр.: Шадрин В. С. Указ. соч.

² Сычев Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2016. — С. 113.

отказе в возбуждении уголовного дела и направить материалы для дополнительной проверки с указаниями, обязательными для исполнения. Такая правовая регламентация уже имела место в правовой системе Российской Федерации.

Подводя итог, отметим, что предложенные пути решения указанных правовых проблем будут положительно влиять на осуществление прокурором своих функций в уголовном судопроизводстве, способствовать укреплению законности, защите прав лиц и организаций, пострадавших от преступлений.

УДК 343.1

А.Ю. АРХИПОВА

научный руководитель
профессор **Т. Г. НИКОЛАЕВА**

**ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ
С НАЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО/
ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА:
ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ**

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) дополнен ст. 25.1 и гл. 51.1, посвященные производству о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности.

Статьей 25.1 УПК РФ предусмотрены процессуальные основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования в порядке ст. 25.1 УПК РФ, а именно: совершение виновным лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда.

Принятию обоснованного решения предшествует процесс доказывания, который состоит в собирании, проверке и оценке сведений, на основе которых будет принято то или иное процес-

суальное решение. Согласимся с позициями Лупинской П.А.¹, Волинской О.В.², Кузьмина Г.А.³ о наличии связи между обстоятельствами, сопутствующими принятию решения о прекращении уголовного дела, и их доказанностью в ходе уголовного судопроизводства, поскольку только доказанные обстоятельства могут являться основанием для принятия законного и обоснованного решения суда о прекращении уголовного дела.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не раскрывает обстоятельства подлежащие доказыванию по уголовным делам, по которым может быть принято решение о применении ст. 25.1 УПК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» в п. 25.1 предписывает, что доказаны должны быть лишь обстоятельства, предусмотренные п. 1-2, 7 ст. 73 УПК РФ, которые в последующем находят свое отражение в постановлении следователя, согласованного с руководителем следственного органа, или постановлении дознавателя, согласованного с прокурором, о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа⁴.

В научном сообществе по данному вопросу также нет единого мнения. Так, Кудрявцев А.В. и Сутягин К.И. указывают, что при применении гл. 51.1 УПК РФ достаточно доказать событие преступления, виновность лица, обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого), обстоятельства, смяг-

¹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. — С. 141.

² Волинская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: Теоретические и организационно-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. — Москва, 2007. — С. 12.

³ Кузьмин Г. А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии) : дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2002. — С. 43.

⁴ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 : текст с изм. и доп. на 29 нояб. 2016 г. П. 25.1. — Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

чающие и отягчающие ответственность¹. Шишов В.В. же полагает, что вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности должен решаться после производства всех возможных следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств преступления, входящих в ст. 73 УПК РФ².

По нашему мнению, ст. 73 УПК РФ содержит минимальный перечень обстоятельств, которые должны быть установлены и доказаны по любому уголовному делу (дела с судебным штрафом не исключение), потому что зачастую, когда суд, не проверяя обоснованность предъявленного обвинения следственным органом, при наличии явных признаков в действиях подозреваемого или обвиняемого лица тяжкого состава преступления, удостоверившись только в соблюдении иных условий, позволяющих принять решение по ст. 25.1 УПК РФ, соглашается с квалификацией, предложенной следственным органом, и прекращает уголовное дело с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Кроме того, гл. 51.1 УПК РФ расширяет предмет доказывания, закрепляя такое условие, как возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением, относится к обстоятельствам, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности, но, прежде чем приобщать к материалам уголовного дела доказательства, свидетельствующие о способах возмещения ущерба или заглаживании вреда, необходимо установить сам характер и размер вреда, причиненного преступлением. Итак, какими же процессуальными документами может быть подтвержден данный факт?

Результаты интервьюирования работников прокуратуры Волгоградской области позволили прийти к выводу, что следователи (дознаватели) для подтверждения факта возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, приобщают к материалам уголовного дела, во-первых, протоколы следственных и иных процессуальных действий: протоколы допроса подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, в которых уточняется

¹ Кудрявцева А. В., Сутягин К. И. Судебный штраф // Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 106—107.

² Шишов В. В. К вопросу о доказывании причастности лица к совершению преступления при прекращении уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 1. — С. 166—169.

вопрос о характере и размере причинённого вреда, о способе его возмещения подозреваемым (обвиняемым) потерпевшему, результаты товароведческих экспертиз; во-вторых, иные документы, а именно: заявление потерпевшего о том, что вред возмещен виновным лицом; заявление подозреваемого (обвиняемого) о том, что вред возмещен потерпевшему и он не возражает против прекращения уголовного дела или уголовного преследования по рассматриваемому основанию, финансовые документы, подтверждающие возмещенную сумму, документы о принесении потерпевшей стороне извинений (публикации в сети-Интернет, СМИ), справки, чеки.

Вместе с тем, возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда возможно далеко не по всем составам преступлений. Реальнее всего, на наш взгляд, возместить причиненный ущерб по имущественным преступлениям, где допустима денежная компенсация утраченного или поврежденного потерпевшим имущества, где допустим возврат похищенной вещи и т.д., потому что даже не каждый материальный состав преступления предполагает монетизацию причиненного ущерба. Как, например, оценить жизнь человека, при совершении преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ? Применение ст. 76.2 УК РФ проблематично в случаях совершения лицом преступных деяний, по которым не предусмотрены последствия в виде причинения ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (преступления с формальным составом), отсутствия ущерба, причиненного конкретному лицу, потому что до сих пор остается открытым вопрос о надлежащем способе возмещения причиненного вреда.

Пудовочкин Ю.Е. отмечает, что не существует преступлений, которые не влекли бы за собой негативных изменений в объекте охраны¹. В свою очередь Вдовцев П.В., Чарыков А.В. задаются вопросами: при совершении преступлений, например, предусмотренных ст. 319 УК РФ или ст. 327 УК РФ, терпит ли объект уголовно-правовой охраны - порядок управления - вред в юридическом смысле? Является ли он потерпевшим²? Мы же в этой

¹ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления : учеб. пособие. — Москва : Юрлитинформ, 2009. — С. 95.

² Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии по уголовному делу потерпевшего // Российский следователь. — 2021. — № 6. — С. 26—30.

связи задаемся вопросом, а кому и каким способом возмещать причиненный вред? Нельзя не согласиться с М.Н Гавриловой, что, если причинение вреда не является последствием преступления и соответственно возмещение вреда не имело места, то применение ст. 76.2 УК РФ невозможно¹.

Однако, правоприменительная практика идет по другому пути. В качестве примера приведем постановление Котельниковского районного суда Волгоградской области от 13 июля 2020 года в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, которым прекращено уголовное преследование с назначением судебного штрафа². Суд мотивировал свое решение тем, что К. загладил причиненный преступлением вред путем пожертвования денежных средств в размере 7000 рублей в организацию инвалидов на благотворительность. Данный вывод суда согласуется с позицией Верховного Суда РФ, приведенной в «Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ)», утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. В соответствии с разъяснениями, данными в п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. При этом возможные способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены³. Вместе с тем, по нашему мнению, распространенные в современной судебной практике благотворительные взносы, пожертвования, извинения не могут приниматься в качестве надлежащего способа заглаживания вреда, причиненного преступлением с формальным составом.

¹ Гаврилова М. Н. Участие прокурора в рассмотрении судом вопросов о прекращении уголовного дела: уголовного преследования : дис. ... д-ра юрид. наук. — Москва, 2019. — С. 149—150.

² Постановление Котельниковского районного суда Волгоградской области № 1- 74/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-74/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. — URL : <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.09.2022).

³ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 : текст с изм. и доп. на 29 нояб. 2016 г. П. 2.1. — Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с назначением меры уголовно–правового характера в виде судебного штрафа следует учитывать, что доказыванию подлежат все обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. Кроме того, особое внимание нужно уделять не только вопросу возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, но и способу такого возмещения.

УДК 343.1

А.Ю. ОТЧЕНАШ

научный руководитель
доцент **Е. В. ЕЛАГИНА**

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОСТИ «ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В условиях цифровизации с каждым годом растет число так называемых киберпреступлений – преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Ключевую роль при доказывании по указанной категории преступлений играют «электронные доказательства».

В соответствии с положениями ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, устанавливаются на основе сведений – доказательств, перечень которых является исчерпывающим.

При определении понятия «доказательства» в ч. 1 ст. 74 УПК РФ законодатель указывает, что это «любые сведения», тем самым, не делая никаких исключений для какой-либо информации, в том числе цифровой.

В ст. 74 УПК РФ «электронные доказательства» не закреплены в качестве одного из средств доказывания, отсутствует понятие «электронные доказательства» и в ст. 5 УПК РФ. Кроме того, законодательно не установлены критерии оценки «электронных доказательств» и порядок их использования. Так имеют ли «электронные доказательства» доказательственную силу?

Специфика «электронного доказательства» заключается в том, что в его основе лежит цифровая информация, то есть запрограммированная машинным кодом, построенным на двоичной или иной системе счисления информация, которая в силу своей природы не может быть отнесена ни к одному из существующих видов доказательств. Цифровая информация существует сама по себе, независимо от электронного носителя, и именно она имеет доказательственное значение. Отметим, что возможно копирование цифровой информации с изымаемого электронного носителя на другие носители (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ), при этом при замене электронного носителя цифровая информация значимым изменениям не подвергается, что подтверждает нашу позицию.

Несмотря на то, что, по общему правилу, цифровая информация содержится на электронном носителе информации, допускаются случаи, когда отсутствует необходимость в изъятии электронного носителя информации и изымается непосредственно сама цифровая информация. Подобная ситуация возникает при изъятии информации, помещенной в облачное хранилище (iCloud, Google Drive, Яндекс.Диск и другие), либо же информации, размещенной на сайте в сети «Интернет».

В связи с этим, по нашему мнению, под «электронными доказательствами» следует понимать самостоятельный вид доказательств, представляющий собой либо единство двух составляющих: формы и содержания, где форма – это электронный носитель информации, а содержание – цифровая информация (общее правило), либо при отсутствии привязки к электронному носителю информации (отсутствии электронного носителя информации) – цифровую информацию (исключение из общего правила).

Таким образом, позволим себе настаивать на том, что «электронные доказательства» необходимо выделить в качестве самостоятельного вида доказательств, соответственно, должны быть дополнены ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7 «электронные доказательства», а также ст. 5 УПК РФ дефиницией «электронное доказательство», отражающей вышеуказанную специфику данного вида доказательств.

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела. Одним из про-

блемных вопросов остается неопределенность критериев оценки допустимости «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве.

Допустимость доказательств представляет собой соответствие порядка получения таких доказательств требованиям уголовно-процессуального закона. Признание доказательства допустимым имеет принципиальное значение, поскольку в таком случае доказательство имеет юридическую силу и может быть положено в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Не можем не согласиться с Ворониным М.И. в части необходимости поэтапного реформирования уголовно-процессуального законодательства по вопросу допустимости «электронных доказательств»:

1) выделение «электронных доказательств» в качестве самостоятельного вида доказательств (закрепление «электронных доказательств» в перечне видов доказательств, предусмотренном ч. 2 ст. 74 УПК РФ, раскрытие понятия «электронные доказательства» в ст. 5 УПК РФ, а также внесение изменений в положения об электронных носителях информации в УПК РФ);

2) включение в УПК РФ главы 27.1, регламентирующей следственные действия, направленные на собирание «электронных доказательств» (осмотр сетевых информационных ресурсов, выемка электронных носителей информации, копирование электронной информации и другие);

3) дополнение глав 10 и 11 УПК РФ нормами об «электронных доказательствах».

«Важной составляющей института допустимости «электронных доказательств» должно стать соблюдение и обеспечение «процессуальной цепи доказательств» — последовательного установления процесса обнаружения, изъятия, закрепления, приобщения и хранения «электронных доказательств». Выпадение одного из звеньев этой цепи должно влечь признание «электронного доказательства» недопустимым...», - утверждает Воронин М.И.¹

Рассмотрим критерии допустимости «электронных доказательств». Зигура Н.А. полагает, что компьютерная информация выступает допустимым доказательством при следующих условиях:

¹ Воронин М. И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 8 (129). — С. 124.

1) соблюдение (обеспечение) гарантий прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства;

2) наличие материального носителя компьютерной информации;

3) наличие процессуального документа, с помощью которого компьютерная информация вовлекается в уголовный процесс;

4) соблюдение целостности компьютерной информации, т. е. сохранение ее в полном и неизменном виде;

5) наличие постановления о признании компьютерной информации в качестве доказательства и приобщении носителя компьютерной информации к уголовному делу¹.

Мы вынуждены не согласиться с Зигура Н.А. в части определения наличия материального носителя компьютерной информации как критерия допустимости компьютерной информации. Как было ранее упомянуто нами, отнюдь не все «электронные доказательства» имеют электронный носитель информации, а потому данный критерий не является универсальным для данного вида доказательств.

По нашему мнению, критерии допустимости «электронных доказательств» можно разделить на две группы: общие критерии допустимости доказательств и специальные критерии допустимости, характерные исключительно для «электронных доказательств».

Рассмотрим общие критерии допустимости применительно к электронному доказательству:

законность источника – обеспечивается путем закрепления «электронных доказательств» в качестве одного из средств доказывания в ч. 2 ст. 74 УПК РФ;

законность способа получения доказательства – соблюдение процессуального порядка изъятия электронного носителя информации при его наличии либо порядка изъятия или копирования непосредственно цифровой информации;

надлежащее процессуальное оформление доказательства – составление протокола следственного действия, в ходе которого получено «электронное доказательство»);

надлежащий субъект, полномочный проводить действия по получению доказательства – следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник органа дознания.

¹ Зигура Н.А. Компьютерная информация как доказательство в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — С. 174—175.

В науке достаточно дискуссионным остается вопрос об обязательности привлечения специалиста при изъятии электронного носителя информации (ст. 164.1 УПК РФ). Нет единства мнений судов по данному вопросу и в правоприменительной практике.

На основании ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в следственном действии, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации. По смыслу указанной процессуальной нормы участие специалиста при изъятии электронного носителя информации является во всех случаях императивным.

Существуют различные позиции ученых о том, насколько целесообразно участие специалиста при изъятии электронного носителя информации в той или иной ситуации.

Так, Воронин М.И. признает необходимым обеспечение участия специалиста при изъятии любого электронного носителя информации в ходе производства любого следственного действия¹.

Зуев С.В. и Черкасов В.С. полагают, что «императивное требование по привлечению специалиста для изъятия электронных носителей информации не соответствует современному уровню технического развития...»².

Проанализировав судебную практику по указанному вопросу за 2021-2022 года, мы обнаружили, что суды не признают нарушением «непривлечение» специалиста при изъятии электронного носителя информации в случае, если при таком изъятии специальные знания не требовались. Например, в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 г. № 77-292/2021, 77-3230/2020 указывается на то, что ссылка защитника в жалобе на необходимость участия специалиста в ходе изъятия видеозаписи на основании ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ является несостоятельной, поскольку данная норма закона регламентирует участие специалиста при изъятии электронных носителей информации с тем, чтобы исключить возможность утраты информации или ее

¹ Воронин М. И. Указ. соч. С. 125.

² Зуев С. В., Черкасов В. С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — № 2. — С. 196.

видеоизменения. В то же время, как правильно указал суд первой инстанции в приговоре, специальные знания для изъятия видеозаписи в данном случае не требовались.¹

Таким образом, требование об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации является анахронизмом, требующим изменения: необходимо преобразовать обязанность следователя привлекать к участию специалиста при изъятии электронного носителя информации в его право на совершение данного процессуального действия, которым следователь может воспользоваться при возникновении ситуаций, действительно требующих привлечения специальных знаний.

Согласимся с Чернышовым В.Н. и Лоскутовой Е.С. в том, что «привлечение сотрудников экспертно-криминалистических подразделений является затруднительным ввиду высокой степени занятости экспертов. Кроме этого, технические подразделения, осуществляющие компьютерные экспертизы, нередко расположены в труднодоступных или отдаленных местах...»², что также является проблемой в реализации императивного привлечения специалиста при изъятии электронного носителя информации.

Специальными критериями допустимости «электронных доказательств» следует признавать аутентификацию и идентификацию цифровой информации:

аутентификация цифровой информации подразумевает свойство цифровой информации, заключающееся в неизменности и целостности цифровой информации;

идентификация цифровой информации – это свойство цифровой информации, предполагающее возможность установления лица, от которого цифровая информация получена.

Данные критерии имеют значение и для признания «электронных доказательств» достоверными.

Подводя итог, укажем, что в эпоху набирающей обороты цифровизации оценка «электронных доказательств», и в первую очередь оценка их допустимости, будет возможна только при условии дополнения УПК РФ дефиницией «электронных доказательств», а также положениями о порядке получения «электронных доказательств» в ходе досудебного производства.

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 г. № 77-292/2021, 77-3230/2020. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Чернышов В. Н., Лоскутова Е. С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. — 2017. — № 5. — С. 201.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

ГУРЕВ Михаил Сергеевич, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО «ДЕЛУ ДЕКАБРИСТОВ» Аннотация. В статье анализируются способы решения организационных проблем досудебного и судебного производства по «делу декабристов» Ключевые слова: эффективность, досудебная стадия, упрощение процедур, уголовное судопроизводство, «дело декабристов»	GUREV Mikhail S., St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure, Candidate of Sciences (Law) METHODS FOR SOLVING ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF PRE-TRIAL AND JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE «CASE OF THE DECEMBRISTS» Abstract. The article analyzes ways to solve organizational problems of pre-trial and judicial proceedings in the «Case of the Decembrists» Keywords: efficiency, pre-trial stages, simplification of procedures, criminal proceedings, «Case of the Decembrists»
БОЯРИНЦЕВ Андрей Александрович, заместитель начальника отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Ненецкого автономного округа, младший советник юстиции, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПОКАЗАНИЯ СОУЧАСТНИКА КАК ОСОБЫЙ ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Аннотация. В статье исследована природа показаний соучастника преступления по выделенному уголов-	BOYARINTSEV Andrey A., Deputy Head of the Department for Supervision of Criminal Procedural and Investigative Activities of the Prosecutor's Office of the Nenets Autonomous District, Junior Counselor of Justice, Postgraduate Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation TESTIMONY OF AN ACCOMPLICE AS A SPECIAL SOURCE OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS Abstract. The article examines the nature of the testimony of an accomplice in a crime in a separate criminal

ному делу, дана их авторская классификация на основе процессуального интереса соучастника, выступающего с показаниями в отношении обвиняемого по «новому» уголовному делу. Выделены проблемы использования в доказывании показаний соучастников подсудимых. На основе анализа процессуального статуса соучастника по выделенному уголовному делу выдвинуто предложение о необходимости дополнения статьи 74 УПК РФ положениями, закрепляющими их показания в качестве самостоятельного источника доказательств в уголовном процессе Ключевые слова: доказывание, показания, соучастник, подсудимый, досудебное соглашение о сотрудничестве, виновность	case, their author's classification is given on the basis of the procedural interest of an accomplice who testifies against the accused in a «new» criminal case. The problems of using the testimony of the accomplices of the defendants in proving are highlighted. Based on the analysis of the procedural status of an accomplice in a separate criminal case, a proposal was made on the need to supplement Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with provisions fixing their testimony as an independent source of evidence in criminal proceedings Keywords: proof, testimony, accomplice, defendant, pre-trial cooperation agreement, guilt
КОРШИКОВА Елена Олеговна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ Аннотация. В статье анализируется правовое и функциональное положение прокурора в суде апелляционной инстанции, в т.ч. право прокурора на изменение обвинения и отказ от обвинения. Высказывается критика действующего правового регулирования положения прокурора в суде апелляционной инстанции Ключевые слова: прокурор, апелляционная инстанция, уголовное дело, государственный обвинитель, функция уголовного преследования, право на отказ от обвинения, стадия уголовного дела	KORSHIKOVA Elena O., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (branch) University of prosecutor's office of the Russian Federation THE PROCEDURAL POSITION OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE COURT OF APPEAL Abstract. The article analyzes the legal and functional position of the prosecutor in the court of appeal, including the right of the prosecutor to change and refuse charges. Criticism of the current legal regulation of the prosecutor's position in the court of appeal is expressed Keywords: prosecutor, appellate instance, criminal case, public prosecutor, function of criminal prosecution, right to refuse prosecution, stage of criminal case

МАЛОФЕЕВ Илья Викторович, директор Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ) Аннотация. В статье автор анализирует концептуальный и правовой аспект стадии возбуждения уголовного дела в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. По результатам выявленных проблем автором формулируются практические рекомендации по их решению путем дополнения Уголовно-процессуального кодекса России Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, подозреваемый, реабилитация, надзор за процессуальной деятельностью, начало уголовного преследования, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации	MALOFEEV Ilya V., Director of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE AND THE DECISION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION (INVITATION TO DISCUSSION) Abstract. In the article, the author analyzes the conceptual and legal aspect of the stage of initiation of a criminal case in the light of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Based on the results of the identified problems, the author formulates practical recommendations for their solution by supplementing the Criminal Procedure Code of Russia Keywords: the stage of initiation of a criminal case, the procedural decision to initiate a criminal case, the suspect, rehabilitation, supervision of procedural activities, the beginning of criminal prosecution, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation
РОДИОНОВА Юлия Викторовна, доцент кафедры уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕМА И ФУНКЦИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА НА ЭТАПЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПО СООБЩЕНИЯМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	RODIONOVA Yulia V., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Science Political, Associate Professor THE PROBLEM OF DETERMINING THE VOLUME AND FUNCTIONS OF THE PROCEDURAL POWERS OF THE HEAD OF THE INVESTIGATING BODY AT THE STAGE OF PROCEDURAL CHECK ON CRIME REPORTS

Аннотация. В статье автор выявляет недостатки в правовом регулировании полномочий руководителя следственного органа на этапе проверки материала по сообщению о преступлении. В частности, отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе четкого определения объема полномочий и функционала руководителя следственного органа приводит к неединообразному подходу к осуществлению процессуальных полномочий. По результатам выявленных проблем автором формулируются практические рекомендации по их решению путем дополнения Уголовно-процессуального кодекса России Ключевые слова: объем полномочий, функционал, руководитель следственного органа, процессуальный контроль	Abstract. In the article, the author reveals shortcomings in the legal regulation of the powers of the head of the investigative body at the stage of checking the material on a crime report. In particular, the absence in the Code of Criminal Procedure of a clear definition of the scope of powers and functionality of the head of the investigative body leads to a non-uniform approach to the exercise of procedural powers. Based on the results of the identified problems, the author formulates practical recommendations for their solution by supplementing the Criminal Procedure Code of Russia Keywords: scope of authority, functionality, head of the investigative body, procedural control
ТАРАСОВА Юлия Ивановна, заместитель прокурора Пустошкинского района Псковской области, младший советник юстиции НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИИ СУДА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ Аннотация. В статье раскрыта сущность предварительного слушания как состязательной процедуры. Проанализированы вопросы, подлежащие рассмотрению на предварительном слушании. Сделан вывод о том, что понятие «разрешение уголовного дела», используемое в статье 15 УПК РФ, не охватывает разрешение всех вопросов на предварительном слушании, тем самым не распространяя на данную процедуру принцип состязательности Ключевые слова: уголовный процесс, принцип состязательности, предварительное слушание, разрешение дела	TARASOVA Yulia I., Deputy Prosecutor of the Pustoshkinsky district of the Pskov region, Junior Adviser of Justice SOME PROBLEMS OF DETERMINING THE FUNCTION OF THE COURT AT A PRELIMINARY HEARING IN A CRIMINAL CASE Abstract. The article reveals the essence of the preliminary hearing as an adversarial procedure. The issues to be considered at the preliminary hearing are analyzed. It is concluded that the concept of «resolution of a criminal case» used in Article 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not cover the resolution of all issues at a preliminary hearing, thereby not extending the adversarial principle to this procedure Keywords: criminal proceedings, the principle of adversarial proceedings, preliminary hearing, resolution of the case

ХРОМОВ Евгений Владиленович, заместитель прокурора Ленинского района г. Иваново Ивановской области, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, кандидат технических наук, кандидат юридических наук СООТНОШЕНИЕ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ И ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА Аннотация. По причине отсутствия в законодательстве легального определения оперативно-разыскных мероприятий в правоприменительной практике и доктрине не выработано четких критериев разграничения оперативного эксперимента и проверочной закупки Ключевые слова: оперативный эксперимент, проверочная закупка, оперативно-разыскные мероприятия	KHROMOV Evgeny V., Deputy Prosecutor of the Leninsky District of Ivanovo, Ivanovo Region, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Technical), Candidate of Sciences (Law) RELATIONSHIP OF TEST PURCHASE AND OPERATIONAL EXPERIMENT Abstract. Due to the lack of a legal definition of operational-search activities in law enforcement practice and doctrine, clear criteria for distinguishing between an operational experiment and a test purchase have not been developed Keywords: operational experiment, test purchase, operational-search activities
ЧАБУКИАНИ Оксана Алексеевна, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент ВЛИЯНИЕ ВЫБРАННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА ОБЪЕМ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ Аннотация. Выбранная модель построения досудебного производства требует детального изучения учения о моделях. Сегодня назрела необходимость систематизации большого объема положений о следственной деятельности в самостоятельное учение, позволяющее выработать путь достижения состязательности. В статье констатируется зависимость объема полномочий следователя от выбранной модели построения процесса	CHABUKIANI Oxana A., Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor THE INFLUENCE OF THE CHOSEN MODEL OF THE CRIMINAL PROCESS ON THE SCOPE OF THE INVESTIGATOR'S POWERS Abstract. The chosen model for the construction of pre-trial proceedings requires a detailed study of the doctrine of models. Today, there is a need to systematize a large volume of provisions on investigative activities into an independent doctrine that allows us to work out a way to achieve competitiveness. The article states the dependence of the scope of the investigator's powers on the chosen model of the process construction

Ключевые слова: модели уголовного процесса, следователь, следственная деятельность, состязательность	Key words: models of criminal process, investigator, investigative activity, adversarial
ШПИГЕЛЬ Ирина Борисовна, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ Аннотация. Автором рассматривается функционирование института государственной защиты в уголовном процессе. Рассмотрены проблемные аспекты действующего законодательства и предложены пути их решения Ключевые слова: уголовный процесс, государственная защита, участники уголовного судопроизводства, процессуальные права	SHPIGEL Irina B., Lecturer of the Department of criminal law disciplines, St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS ASSISTING IN CRIMINAL PROCEEDINGS Abstract. The author examines the functioning of the institute of state protection in criminal proceedings. The problematic aspects of the current legislation are considered and solutions are proposed Keywords: criminal proceedings, state protection, participants in criminal proceedings, procedural rights
ЯЛЫШЕВ Станислав Алимович, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор ЭЙВАЗОВ Александр Хикметович, магистрант 3 курса Российского государственного университета правосудия О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРОК ПО ДЕЛАМ О ПРЕВЫШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, СОПРЯЖЕННОМ С ПЫТКАМИ Аннотация. Рассмотрен вопрос эффективности проведения процессуальных проверок по сообщениям о	YALYSHEV Stanislav A., Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg), Doctor of Sciences (Law), Professor EYVAZOV Alexander H., 3d year Master's student of the Russian State University of Justice ON SOME ISSUES OF IMPROVING THE CONDUCT OF PRE-INVESTIGATION CHECKS IN CASES OF ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY INVOLVING TORTURE It seems relevant to consider the issue of the effectiveness of procedural checks on reports of abuses of offi-

превышении должностных полномочий, сопряженном с пытками задержанных подозреваемых Ключевые слова: задержание, пытки, проверка, расследование, криминалистика	cial authority associated with torture of detained suspects Keywords: detention, torture, verification, investigation, forensics
ПУШТОРСКАЯ Екатерина Владимировна, аспирант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ Аннотация. В статье рассматривается необходимость трансформации форм взаимодействия следственных и налоговых органов в современных законодательных реалиях. Автором исследованы основные проблемные аспекты возбуждения и расследования уголовных дел о налоговых преступлениях и внесены предложения по совершенствованию межведомственного информационного и документального обмена как на указанных стадиях, так и до возбуждения дела, на стадии проведения налоговой проверки Ключевые слова: налоговые преступления, налоговые органы, следственные органы	PUSHTORSKAIA Ekaterina V., 2nd year Postgraduate Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN INVESTIGATIVE AND TAX AUTHORITIES IN THE MECHANISM OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF TAX CRIMES Annotation. The article discusses the need to transform the forms of interaction between investigative and tax authorities in modern legislative realities. The author investigated the main problematic aspects of the initiation and investigation of criminal cases of tax crimes and made proposals to improve the interdepartmental information and documentary exchange both at these stages and before the initiation of the case, at the stage of the tax audit Keywords: tax crimes, tax authorities, investigative bodies
МАКЕЕВА Ирина Александровна, старший следователь второго следственного отдела второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации	MAKEEVA Irina A., Senior Investigator of the Second Investigative Department of the Second Investigative Department (stationed in St. Petersburg) of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Аннотация. В статье рассмотрены положения отечественного и зарубежного законодательства, регламентирующие использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Целью исследования является обозначение имеющихся в настоящее время проблем в российском законодательстве и путей его совершенствования в области применения систем ВКС. Для достижения данной цели проведен сравнительный анализ действующего российского и зарубежного законодательства в области использования систем ВКС на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В статье предложены пути совершенствования ст. 189.1 УПК РФ на основании зарубежного опыта, что обеспечивает новизну проведенного исследования Ключевые слова: уголовный процесс, видео-конференц-связь, законодательство, информационные технологии	THE USE OF VIDEO CONFERENCING IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN DOMESTIC AND FOREIGN LEGISLATION Annotation. The article discusses the provisions of domestic and foreign legislation regulating the use of video conferencing in the production of investigative actions at the pre-trial stages of criminal proceedings. The purpose of the study is to identify the currently existing problems in Russian legislation and ways to improve it in the field of application of VCS systems. To achieve this goal, a comparative analysis of the current Russian and foreign legislation in the field of the use of VCS systems at the pre-trial stages of criminal proceedings was carried out. The article suggests ways to improve Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the basis of foreign experience, which ensures the novelty of the study Keywords: criminal proceedings, video conferencing, legislation, information technology
ЗОЛУТУХИНА Наталья Валерьевна, доцент кафедры уголовного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент ЖУКОВА Полина Николаевна, доктор физико-математических наук, доцент	ZOLOTUKHINA Natalia V., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), docent ZHUKOVA Polina N., Doctor of science (Physical and Mathematical), Associate Professor

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ Аннотация. Завершение расследования характеризуется составлением обвинительного заключения – одной из основных форм окончания предварительного следствия. Несмотря на то что к этому моменту все следственные действия выполнены и совокупность доказательств достаточна для составления обвинительного заключения, нельзя недооценивать процессуальную значимость заключительного этапа расследования, который представляет собой совокупность процессуальных действий, направленных, прежде всего, на обеспечение принципов уголовного судопроизводства. В рамках настоящей работы уделено внимание этапу окончания предварительного следствия — предъявлению для ознакомления обвиняемому и его защитнику материалов уголовного дела Ключевые слова: предварительное расследование, обвинительное заключение, нарушения, график ознакомления, злоупотребление правом	ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR AT THE END OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION Annotation. One of the main forms of completion of the preliminary investigation is the preparation of an indictment. At the time of the completion of the investigation, all investigation actions have been completed and the evidence is sufficient to form an indictment. However the procedural significance of the final stage of the investigation cannot be underestimated. This is a set of procedural measures designed primarily to ensure the principles of criminal procedure. The present work is devoted to the stage of completion of the preliminary investigation — the submission of Investigation materials to the accused and his defence lawyer Keywords: preliminary investigation, indictments, violations, schedule of becoming familiar with, abuse of the right
ПРОХОРОВ Александр Борисович, адвокат, «Невская Коллегия адвокатов» (Санкт-Петербург) ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ОСНОВНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО Аннотация. Право на доступ к правосудию представляет собой основное субъективное право в уголовном судопроизводстве, опосредующее субъект уголовно-процессуальных отношений. Вместе с тем данное право до настоящего времени не	PROKHOROV Aleksandr B., Lawyer of Nevskaya kollegiya advokатов (St. Petersburg) THE RIGHT TO ACCESS TO JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A BASIC SUBJECTIVE RIGHT Abstract. The right to access justice is a basic subjective right in criminal proceedings, mediating the subject of criminal procedure. At the same time, this right has not yet received its registration in the text of the criminal procedure law, contrary to its mean-

получило своего оформления в тексте уголовно-процессуального закона вопреки своему значению. В научной статье предложен «узкий» и «широкий» взгляд на право на доступ к правосудию в уголовном процессе; указывается на необходимость нормативного закрепления принципа права на доступ к правосудию в качестве принципа уголовного судопроизводства Ключевые слова: право на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве, судебная защита, доступ к суду, субъект уголовного процесса, правосубъектность, правомочия в уголовном судопроизводстве	ing. The scientific article offered a «narrow» and «broad» view of the right to access to justice in criminal proceedings; indicates the need for normative consolidation of the principle of the right to access to justice as a principle of criminal proceedings Keywords: the right to access to justice in criminal proceedings, judicial protection, access to court, subject of criminal proceedings, legal personality, legal powers in criminal proceedings
ОСИПОВ Антон Вениаминович, помощник Лабинского межрайонного прокурора, прокуратура Краснодарского края ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОБЫСКОМ (ВЫЕМКОЙ) В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА Аннотация. Автором анализируются нормы, регламентирующие обыск и выемку в отношении адвоката в исключительном случае, а также практика их применения. Даются рекомендации по изменению УПК РФ Ключевые слова: Обыск, выемка, адвокат, исключительный случай	OSIPOV Anton V., Assistant of Labinsk Interdistrict Prosecutor, Prosecutor's Office of the Krasnodar region DIFFERENTIATION OF LEGAL CONTROL FOR A LAWYER SEARCH (SEIZURE) Abstract. The author makes an analysis of rules which regulate a lawyer search in an exceptional case as well as the practice of their usage. Recommendations to changes of the Code of Criminal Procedure Russian Federation are given Keywords: search, seizure, lawyer, exceptional case
КАРНЮХИНА Алина Валерьевна, студентка 3 курса Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) научный руководитель МАТОРИНА Юлия Николаевна, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Калужского института (филиала)	KARNYUKHINA Alina V., 3rd year student of the Kaluga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia) scientific supervisor MATORINA Yulia Nikolaevna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Kaluga

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Аннотация. В статье рассматривается теоретический аспект использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном процессе. Предлагается дополнение Уголовно-процессуального кодекса такими терминами, как «электронные доказательства», «иные документы». Определяя понятие доказательств, необходимо также уточнить, что сведения могут быть в виде электронной информации Ключевые слова: электронный документ, уголовное судопроизводство, электронное доказательство, доказывание, иные документы	Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) ELECTRONIC DOCUMENTS AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS Annotation. The article discusses the theoretical aspect of the use of electronic documents as evidence in criminal proceedings. It is proposed to supplement the Criminal Procedure Code with such terms as «electronic evidence», «other documents». Defining the concept of evidence, it is also necessary to clarify that the information can be in the form of electronic information Keywords: electronic document, criminal proceedings, electronic evidence, proof, other documents
ПРИЩЕНКО Екатерина Алексеевна, студент 4 курса Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) научный руководитель МАТОРИНА Юлия Николаевна, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО Аннотация В данной статье автором представлены особенности проведения допроса несовершеннолетних согласно уголовно-процессуальному законодательству; поднимаются	PRISHCHENKO Ekaterina A., 4rd year Student Kaluga Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) scientific supervisor MATORINA Julia N., Head of the Department of Criminal Law Disciplines Kaluga Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor CONCEPT AND FEATURES OF INTERROGATION OF THE MINOR Abstract: In this article the author the features of the interrogation of minors in accordance with the criminal procedure legislation; the controversial aspects of involving a psy-

спорные вопросы по вовлечению психолога или педагога в процесс допроса несовершеннолетних для выяснения обстоятельств преступления Ключевые слова: несовершеннолетний, особенности допроса, следователь, подросток, следственные действия	chologist or a teacher in the process of questioning minors to clarify the circumstances of the crime are raised Keywords: minor, features of the interrogation, investigator, teenager, investigative actions
АРХИПОВА Алена Юрьевна, студентка Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации научный руководитель СЫЧЕВ Дмитрий Анатольевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ РЕШЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ Аннотация. В статье анализируются проблемы правового регулирования полномочия прокурора по отмене незаконных или необоснованных решений органов предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется позиция о необходимости внесения изменений и дополнений в УПК РФ	ARKHIPOVA Alena Y., St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation scientific adviser SYCHEV Dmitry A., Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), Justice Adviser PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE LEGALITY OF DECISIONS ON REFUSAL TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM Abstract. The article analyzes the problems of legal regulation of the prosecutor's powers to cancel illegal or unjustified decisions of the preliminary investigation bodies on refusal to initiate criminal proceedings. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current criminal procedure legislation and law enforcement practice, the position on the need for amendments and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is put forward and argued

Ключевые слова: прокурор, возбуждение уголовного дела, полномочие прокурора, надзор, дознание, следствие	Keywords: prosecutor, initiation of a criminal case, prosecutor's authority, supervision, inquiry, investigation
АРХИПОВА Анастасия Юрьевна, студентка Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	ARKHIPOVA Anastasiya Y., St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
научный руководитель НИКОЛАЕВА Татьяна Геннадьевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	scientific adviser NIKOLAEVA Tatyana G., Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Full Professor
ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА: ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ	TERMINATION OF A CRIMINAL CASE OR CRIMINAL PROSECUTION IN CONNECTION WITH THE APPOINTMENT OF A CRIMINAL LAW MEASURE IN THE FORM OF A COURT FINE: QUESTIONS OF PROOF
Аннотация. В статье анализируются отдельные проблемы доказывания по уголовным делам, которые могут быть прекращены в порядке ст. 25.1 УПК РФ. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется позиция о необходимости доказывания всех обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Кроме того, особое внимание в научной статье уделяется такому условию прекращения уголовного дела и назначения судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера, как способ возмещения вреда, причиненного преступлением	Abstract. The article analyzes individual problems of proof in criminal cases that can be terminated in accordance with Article 25.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current criminal procedure legislation and law enforcement practice, the position on the need to prove all the circumstances provided for in Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is put forward and argued. In addition, special attention in the scientific article is paid to such a condition for the termination of a criminal case and the appointment of a court fine as a measure of a criminal nature, as a way of compensating for the harm caused by a crime

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, судебный штраф, мера уголовно-правового характера, доказывание, возмещение ущерба, заглаживание вреда.	Keywords: termination of a criminal case, a court fine, a measure of a criminal nature, proof, compensation for damage, compensation for harm.
ОТЧЕНАШ Анастасия Юрьевна, студентка Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	OTCHENASH Anastasiia Y., St. Petersburg Law Institute (branch) University of prosecutor's office of the Russian Federation
научный руководитель ЕЛАГИНА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	scientific adviser ELAGINA Elena V., Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОСТИ «ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	TO THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR THE ADMISSIBILITY OF «ELECTRONIC EVIDENCE» IN CRIMINAL PROCEEDINGS
Аннотация. Статья посвящена вопросу оценки допустимости «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве. Затрагиваются проблемы отсутствия понятия «электронные доказательства» в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации и универсальных критериев допустимости «электронных доказательств». Автором предлагается перечень подобных критериев и его закрепление на законодательном уровне в целях обеспечения единообразия правоприменительной практики	Abstract. The article is devoted to the issue of assessing the admissibility of «electronic evidence» in criminal proceedings. The problems of the absence of the concept of «electronic evidence» in the criminal procedure law of the Russian Federation and universal criteria for the admissibility of «electronic evidence» are touched upon. The author proposes a list of such criteria and its consolidation at the legislative level in order to ensure the uniformity of law enforcement practice
Ключевые слова: электронные доказательства, оценка доказательств, допустимость, цифровая информация, электронный носитель информации	Keywords: electronic evidence, assessment of evidence, admissibility, digital information, electronic media

Научное электронное издание

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ**

(к 300-летию российской прокуратуры)

Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 22 сентября 2022 года

М а т е р и а л ы

Подписано к использованию 21.02.2023.

Печ. л. 8,68. Тираж 15 экз. Заказ 2/23.

1 электрон. опт. диск (CD-R). 2,62 Мб.

Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более;
512 Mb и более; CD/DVD-ROM дисковод;
Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44